

МБИ: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>

Форум: БИОГРАФИКА, СОЦИОЛОГИЯ И ИСТОРИЯ

Дискуссия 2 - «Биография и биокритика»

Протокол 2-5

Форум МБИ «Биографика, социология и история»

Дискуссии:

О «незримом колледже» и биографических интервью

[Invisible College: IBI Forum 1.0, 2011 PDF \(html\)](#)

Биография и биокритика

[Invisible College: IBI Forum 2.1, 2011 PDF \(html\)](#)

[Invisible College: IBI Forum 2.2, 2011 PDF \(html\)](#)

[Invisible College: IBI Forum 2.3, 2011 PDF \(html\)](#)

[Invisible College: IBI Forum 2.4, 2011 PDF \(html\)](#)

[Invisible College: IBI Forum 2.5, 2011 PDF \(html\)](#)

Содержание предыдущих протоколов:

МБИ Форум 2.1

I. Биография и биокритика: острые вопросы и фундаментальные проблемы (включение 1)

II. Спор разгорается (включения 2 – 5)

III. О членстве в КПСС и о перспективах герменевтики (включения 6 – 7)

III. Том Сойер, который красил забор (включения 8 – 19)

V. «Приветствую идею сетевого колледжа... Буду следить с удовольствием» (В. Ядов) (включения 20 – 21)

VI. В. Докторов: Оглядываясь назад и заглядывая вперед (включения 22 – 22а)

VII. Расширение круга. Уточнение формата дискуссии (23 – 30)

МБИ Форум 2.2

VIII. Обсуждаются методологические и этические проблемы биографических исследований и познания через действие (включения 31 – 32)

IX. Текущая переписка. Отклики (33 – 38)

X. Диалог Д. Шалина и Н. Мазлумяновой (39 – 40)

XI. Всех послушав, пусть каждый делает СВОЕ дело (41 – 48)

XII. Диалог Д. Шалина и А. Алексеева: новый виток (включение 49)

XIII. Б. Фирсов – наблюдатель и участник. О композиции МБИ-форума (55 – 55)

XIV. «Незримый колледж»: новые поступления и расширение круга (56 – 57)

- XV. Респондент прав не только тогда, когда он говорит, но и тогда, когда он молчит (включение 58)
XVI. Наша дискуссия – это личностное знание, в смысле М. Полани (59 – 73)
XVII. «Биографика, социология и история» (74-79)
XVIII. Всем – урок на будущее (80-88)

МБИ Форум 2.3

- XIX. Обращение к участникам МБИ Форума (89)
XX. «Наши разногласия» – Шляпентох о членстве в КПСС (90)
XXI. Реплика Ядова (91)
XXII. «Нет истины, где нет любви» – ответ Доктора Шляпентоху (92)
XXIII. Из переписки Дмитриевского и Шалина (93)
XXIV. О письмах Игоря Кона (94)
XXV. К 85-летию Владимира Шляпентоха (95)
XXVI. Из переписки Алексеева и Дмитриевского (96)
XXVII. «Художник и власть в искусстве эпохи надлома империи» – В.Н. Дмитриевский (97)
XXVIII. «Игорь Кон: Я чувствую себя великим человеком...» – Б. Докторов (98)
XXIX. Из переписки Шалина и Алексеева (99)
XXVIII. Отклики на статью Доктора о Коне (100)
XXXI. Еще – поздравления Шляпентоху (101)

МБИ Форум 2.4

- XXXII. Владимир Ядов отвечает на вопросы Владимира Шляпентоха (102)
XXXIII. Из корреспонденции дальнему и ближнему кругу (103-106)
XXXIV. Подшивка материалов об отношениях социологов с КГБ (107-111)
XXXV. Из переписки Шалина, Дмитриевского и Алексеева (112-115)
XXXVI. «Мой ответ В. Шляпентоху или можно ли написать историю социологии «с человеческим лицом» – Заметка А. Готлиб (117)
XXXVI. Еще из общей переписки (118-120)
XXXVII. Новые материалы на дайте ИБИ (121-123)
XXXVIII. Ответ Владимира Шляпентоха Анне Готлиб (124)
XXXIX. Владимир Ядов о Четвертом социологическом конгрессе российских социологов (125)
XL. Андрей Алексеев о природе социальной реальности (126)
XLI. Из лично-публичной переписки (127-129)
XLII. Материалы журнала Телескоп, 2011, № 6 (130)
XLIII. Новая книга: Анри Кетегат. Диск. «В полях предков» и другая автобиографическая проза (131)
XLIV. На избрание М. К. Горшкова в академики (132)
XLV. Читая друг друга (Р. Ленчовский о книге Б. Доктора «Дж. Гэллп. Биография и судьба» и продолжение разговора) (133)
XLVI. «Открывая Грушина». Третьи Грушинские чтения на Моховой, февраль 2012 (134)

**

Включение 135. А. Алексеев – всем участникам МБИ-форума, и не только

30.01.2012

Уважаемые коллеги!

Пока еще не подведен итог дискуссии на тему «**Биография и биокритика**», спешу информировать Вас о нескольких актуальных событиях, имеющих к этой теме самое прямое отношение.

Это, во-первых, состоявшееся на днях размещение на сайте [Центра социального прогнозирования и маркетинга](http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=204) электронных версий трех сборников материалов Чтений памяти В. Голофаства. Смотрите на этом сайте:
<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=204>.

Вот точные библиографические описания этих трех томов:

Социология вчера, сегодня, завтра. Социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаства / Под редакцией О. Б. Божкова — СПб.: Бильбо, 2008. — 272 с.

Текст сборника

Социология вчера, сегодня, завтра. Вторые социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаства / Под редакцией О. Б. Божкова — СПб.: Бильбо, 2008. — 320 с.

Текст сборника

Социология вчера, сегодня, завтра. Новые ракурсы. III Социологические чтения памяти Валерия Борисовича Голофаства / Под редакцией О. Б. Божкова — СПб.: Эйдос, 2011. — 634 с. Илл.

Текст сборника

Чтения памяти – лучшая форма памяти об ученом. Это – не просто долгоживущая, но и развивающаяся и работающая память.

Во-вторых, привожу здесь полученное мною сегодня Информационное письмо:

**Ежегодные международные биографические чтения
«ПРАВО НА ИМЯ. БИОГРАФИКА 20 ВЕКА»**

20-22 апреля 2012 в Петербурге состоятся Десятые Чтения «Право на имя.

Биографика 20 века».

Чтения организует Научно-информационный центр «Мемориал» (Петербург) совместно с Европейским университетом в Санкт-Петербурге, Польским институтом в Санкт-Петербурге и Международным обществом «Мемориал» (Москва).

Научный семинар в рамках чтений объединяет историков, социологов, философов, этнологов, антропологов, культурологов, психологов, литературоведов, писателей, режиссеров, журналистов и музейных работников разных стран, работающих в области биографики 20 века.

Чтения памяти **Вениамина Викторовича Иофе** (1938-2002), петербургского историка и философа, создателя и руководителя Научно-информационного центра «Мемориал», политзаключенного 1960-х годов, автора самиздата, участника и историка движения сопротивления в СССР, с 2003 года ежегодно в апреле проходят в НИЦ «Мемориал» и в Европейском университете в Санкт-Петербурге во второй декаде апреля.

Чтения «**Право на имя. Биографика 20 века**» памяти **Вениамина Иофе** - единственный в России междисциплинарный научный семинар, посвященный биографике 20 века.

На Чтениях обсуждаются вопросы методологии и практики составления и использования биографии, биографического метода и его применения в различных дисциплинах.

На чтениях представляются и анализируются биографические модели (биографическая справка, автобиография, жизнеописание), проблемы сочетания факта и события (частное и общественное в биографии, поступок), доступа к информации; язык биографии и формат записи, биографические базы данных, источники составления биографии (источники и мифологизация, искажение и фальсификация, виды игнорирования), постбиография (смерть в биографии, посмертная биография, увековечивание памяти). Особое внимание в докладах уделяется влиянию государства на жизненный путь в биографии людей (сопротивление и подавление, редакция жизни). Речь идет об источниках при составлении биографий, а также о том, в какой степени и в каком смысле биография сама может являться источником социологического и/или исторического знания. Рассматривается проблема доверия различным биографическим источникам, их объективности/субъективности, аутентичности, игнорировании/мифологизации и других вопросах, неизбежно возникающих перед любым исследователем.

Материалы чтений выходят отдельным изданием, их презентация традиционно проходит на открытии (вышли из печати материалы 1-8-х чтений, готовятся к изданию материалы 9-х, сборник будет представлен на открытии 10-х Чтений в апреле 2012). Доклады и тезисы также публикуются на медиа-ресурсах НИЦ «Мемориал»: <http://www.cogita.ru/analitka/9-e-biograficheskie-chteniya-pamyati-veniamina-iofe/tezisy-9-h-chtenii-pravo-na-imya...>

Регламент семинара: основной доклад 20 минут, обсуждение 20 минут

10-е Чтения состоятся 20-22 апреля 2012 года в НИЦ «Мемориал» и в Европейском университете в Санкт-Петербурге.

Заявку на 10-е Чтения необходимо подать не позднее 1 апреля 2012 по адресу: iofe.readings@gmail.com. Заявка включает краткое резюме (степень, место работы, должность, основные публикации – до 200 знаков) и абстракт (тезисы доклада – до 2000 знаков).

Организаторы не оплачивают проезд, проживание и питание участников. Вступительный взнос не предусмотрен.

Руководитель Чтений Ирина Флиге (директор НИЦ «Мемориал»): flige@yandex.ru, + 7 921 7902179, координатор Чтений Татьяна Косинова (соучредитель НИЦ «Мемориал»): kossinova@mail.ru, + 7 921 743 4557.

В качестве одного из «ветеранов» эти Биографических чтений замечу, что участие в них членов нашего «незримого колледжа» было бы весьма желательно.

И, наконец, третий сюжет. Он имеет к нашему МБИ-форуму вроде косвенное отношение. Но наверняка большинству его участников этот сюжет не безразличен. Это то, что можно кратко обозначить: «**Два «4-х Всероссийских социологических конгресса» 2012 г.**».

История - драматическая и почти детективная. В протоколах нашей дискуссии она отражена двумя материалами: [публикация В. Ядова «Скверная история»](#) в № 93 газеты «Троицкий вариант. Наука» (включение 125, в протоколе 2-4) и недавнее (включение 132 в этом же протоколе) обсуждение «Путь в Академию» («На избрание в академики М. К. Горшкова»).

Так вот, осталось несколько дней до начала назначенного Президиумом РАН (и при этом, как ни странно, нелегитимного!) одного из двух «4-х Всероссийских социологических конгрессов» - 2 февраля 2012 г. Так и неизвестно, сколько туда подано заявок на участие от рядовых социологов, не объявлена программа (кроме названий секций и круглых столов), но вот недавно появилась [на сайте Конгресса](#) информация о пленарном заседании. И список главных докладчиков:

02 февраля 2012 г., 10.00–16.00

МЕСТО ПРОВЕДЕНИЯ: г. Москва, ул. Большая Дмитровка, д. 1. Колонный зал Дома Союзов

- ОТКРЫТИЕ IV ВСЕРОССИЙСКОГО СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО КОНГРЕССА
- ВЫСТУПЛЕНИЯ И ПРИВЕТСТВИЯ
- ДОКЛАДЫ:

ОСИПОВ Геннадий Васильевич (Российская Федерация, г. Москва), академик РАН, Институт социально-политических исследований Российской академии наук, директор

Социология в системе научного управления обществом

ЖУКОВ Василий Иванович (Российская Федерация, г. Москва), академик РАН, Российский государственный социальный университет, ректор

Евразийский демографический потенциал: социологическая компаративистика

ГОРШКОВ Михаил Константинович (Российская Федерация, г. Москва), академик РАН, Институт социологии Российской академии наук, директор

Роль социологии в обеспечении диалога между обществом и властью

САДОВНИЧИЙ Виктор Антонович (Российская Федерация, г. Москва), академик РАН, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, ректор

Совершенствование качества преподавания социальных наук в соответствии с новыми социальными реалиями

ЗАПЕСОЦКИЙ Александр Сергеевич (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург), член-корреспондент РАН, Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, ректор

Социально-культурная политика Российского государства как фактор становления новой социально-экономической формации

ЛИ Пейлин (Китайская Народная Республика, г. Пекин), профессор социологии, Институт социологии Китайской академии общественных наук, директор

Социальная трансформация и китайская социология

МАРКОВИЧ Данило (Республика Сербия, г. Белград), профессор, доктор социологии, Сербская академия образования, действительный член, Российская

академия образования, иностранный член

Социология в системе научного управления обществом – поиск условий реализации человека, обладающего самосознанием и суверенитетом

БАКИРОВ Виль Савбанович (Республика Украина, г. Харьков), член-корреспондент АПН Украины, Социологическая ассоциация Украины, президент, Харьковский национальный университета им. В.Н.Каразина, ректор
Социология высшего образования: новые исследовательские сюжеты

ГРИНБЕРГ Руслан Семёнович (Российская Федерация, г. Москва), член-корреспондент РАН, Институт экономики Российской академии наук, директор
Двадцать лет российских реформ: в экономическом измерении

БАБУРИН Сергей Николаевич (Российская Федерация, г. Москва), доктор юридических наук,
Российский государственный торгово-экономический университет, ректор
Трансформация национальных государств в обществе тотальной глобализации

ИСАЕВ Кусейн Исаевич (Республика Кыргызстан, г. Бишкек), доктор философских наук, профессор, Социологическая ассоциация Кыргызстана, президент, Киргизско-турецкий университет им. Манаса
Роль социологии в укреплении евро-азиатского союза

ШАУКЕНОВА Зарема Каукеновна (Республика Казахстан), доктор социологических наук, профессор, Ассоциация социологов Казахстана, исполнительный директор, Институт философии и политологии Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, директор
Новый этап социальной модернизации в Казахстане

БАБОСОВ Евгений Михайлович (Республика Беларусь, г. Минск), академик НАН, Институт социологии НАН Беларуси, почетный директор
Обострение глобальной нестабильности и конкуренция моделей мироустройства

МОКАНУ Виктор (Республика Молдова, г. Кишинёв), доктор социологических наук, профессор, Ассоциация социологов и демографов, председатель, Институт европейской интеграции и политических наук
Избирательные компании в Молдове: особенности социологического мониторинга

КАРАПЕТЯН Арам Рафикович (Республика Армения, г. Ереван), доктор политических наук, партия «Новые Времена», председатель
Евразийский Союз и Армения. Пути интеграции

СТЕПАШИН Сергей Вадимович (Российская Федерация, г. Москва), доктор юридических наук, профессор, Счетная Палата Российской Федерации, председатель
Социальное знание в системе научного управления российским обществом

ШАФРАНОВ-КУЦЕВ Геннадий Филиппович (Российская Федерация, г. Тюмень), доктор социологических наук, профессор, Тюменский государственный университет, ректор
Профессиональное образование в условиях современного информационного взрыва

ГЛАЗЬЕВ Сергей Юрьевич (Российская Федерация, г. Москва), академик РАН, Евразийское экономическое сообщество, заместитель Генерального секретаря, Комиссия Таможенного союза, ответственный секретарь
Социально-политический фактор евразийской экономической интеграции

Ниже приведу извлечение из своего обмена мнениями по этому поводу с одним из коллег:

А. Алексеев – НН.

28.01.2012

...Состав организационного и программного комитетов 4 ВСК (Москва) висит на [сайте конгресса](#) чуть не полгода. А вот [программа пленарного заседания](#) появилась там недавно.

Из 19 докладчиков, которые должны выступить в течение 6 час пленарного заседания в Колонном зале Дома союзов, 8 иностранцев, но не тех, кого им хотелось бы. Ведущих социологов нет. <...>.

Зато во главе - "три богатыря": Осипов, Жуков и Горшков. Плюс стремящийся в академики - Запесоцкий. Ну и, разумеется, "социально близкие" Бабурин, Глазьев, Степашин. Хватило ума Добренкова не вписывать.

Список пленарных докладчиков не является неожиданным, зато демонстрирует сугубое сектанство, захватившее социологический амвон. Думаю, это знаковый список. РОС и Ко можно поздравить. <...>

Мой коллега употребил слово «позор». И добавил: «Неужели мы видим начало той российской социологии, которая будет, когда нас не будет? Ведь в руках людей из списка - образование...». Вот что я ему ответил:

А. Алексеев – НН

29.01.2012

Я разделяю твоё огорчение, но не удрученность по поводу событий вокруг «4-го Всероссийского социологического конгресса» в феврале. Мы наблюдаем опасность вырождения институциональной социологии (как, скажем, на рубеже 20-30-х гг. в СССР), но за любой деградацией, рано или поздно, следует возрождение (или, если угодно, реинкарнация). И позора я пока не вижу. Точнее - смотря кому позор.

Около десятка крупных социологов отказались числиться в руководящих органах осиповского Конгресса (Ядов, Заславская, Шкаратан, Фирсов, Гудков, Ослон, Федоров, Покровский, Радаев, Чепуренко), куда их без спросу записали (в апрельском постановлении Президиума РАН) Осипов и Ко (уж не говоря о покойных Шубкине и Коне).

Сохранились там пока <...>

Ну, М. Горшков свой бонус (академика) получил и теперь ничем от Осипова и Жукова не отличается.

Свыше 15 известных социологов отказались возглавлять секции и круглые столы этого конгресса (Акимкин, Гишинский, Гофман, Девятко, Е. Здравомыслова, Л. Коган, Л. Козлова, Магун, Оберемко, П. Романов, Н. Тихонова, Чирикова, Эфендиев, Яницкий, Ярская-Смирнова. (Относительно недавно к ним присоединился А. Тихонов).

Напомню еще, что под [Открытым письмом президенту РАН Ю. Осипову от ноября 2011 г](#) (с возражениями против поддержанных бюро ООН РАН неоправданных претензий свежеспеченной Социологической ассоциации России на главенство в социологическом сообществе и представительство России на международной арене, вместо РОС) подписались около 90 социологов

Честь российской социологии защитил также В. Ядов, своей [публикацией в "Троицком варианте"](#) Его "Скверная история" внятно разъясняет - кто есть кто, и как, и зачем.

Ну, и подготовка очередного, легитимного (уфимского) 4-го Всероссийского социологического конгресса (октябрь 2012) [идет своим ходом](#), как говорится, по графику.

Да, конечно, печально видеть среди хотя бы условных сподвижников Осипова, (сопредседателей научных подразделений "осиповского" конгресса): <...> (может, еще кого пропустил), но, в конце концов, это их выбор, думаю, даже, не для всех осознанный.

Но, в конце концов, у всякого коллаборационизма много градаций на шкале.

Посылаю Тебе собранные в единую композицию материалы моих рассылок о «двух 4-х всероссийских социологических конгрессах» 2012. Все это уже давно висит на сайте «Международная биографическая инициатива:

http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/two_congresses_11.pdf

и http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/two_congresses_monitoring_11.pdf. <...>

Посылаю это как свой комментарий к близко грядущему событию.

И последнее. Уже фигурировало в моей общей (широкой) рассылке (от 18.01.2012), но воспроизведу здесь, просто для того, чтобы осталось отраженным в протоколах МБИ-форума. Да может, кто в общей рассылке и пропустил.

В январе 2012 г. состоялось [второе издание](#) (2012) электронной книги **Бориса Докторова «Биографические интервью с коллегами-социологами»**.

Вот точная библиографическая (она же – и сетевая) ссылка:

[Б. З. Докторов. Биографические интервью с коллегами-социологами \[электронный ресурс\]. Второе издание / Ред.-сост. А. Н. Алексеев. М.: ЦСПиМ, 2012.](#)

Данная книга в онлайн-формате содержит биографические интервью с коллегами социологами, записанные в рамках масштабного историко-биографического проекта «Современная история российской социологии», осуществляемого Б. З. Докторовым на протяжении семи лет.

Книге предпослано посвящение:

Посвящается Владимиру Александровичу Ядову, которого многие мои собеседники называют своим Учителем

Приведу здесь текст собственной вступительной заметки «От редактора-составителя»:

[От редактора-составителя - ко второму изданию книги](#)

Точнее было бы мне называться «редактором-инициатором». В самом деле, как отмечает автор этой книги, в апреле 2011 года я затеял собрать доступные мне тексты биографических интервью Бориса Докторова с коллегами-социологами, опубликованные в ряде профессиональных журналов и на сайте [«Международная биографическая инициатива»](#). Я расположил их по алфавиту в файле на 1000 с лишним страниц, а каких-то текстов в электронном виде у меня не было, и я запросил Бориса.

Ни он, ни я не помышляли о книге, а всего лишь попытались упорядочить архив масштабного историко-биографического проекта «Современная история российской социологии», осуществляемого Б. З. Докторовым на протяжении семи лет. Делали это для себя, ну, - для ближайших коллег.

А затем, как это часто бывает, когда Том Сойер начинает красить забор, к этому делу подключились другие люди, возникли новые идеи, оказалось, что это может быть **книга**, да еще и **электронная**, с оригинальным дизайном, классификацией текстов по разным основаниям, фотогалереей, справочным аппаратом и т. д. И роль «редактора-составителя» стала второплановой, а ключевыми фигурами в этом «издательском процессе» стали дизайнер, макетировщик, ну, и автор, разумеется, а редактор-инициатор – что-то вроде «свежей головы» и эксперта (как же оно получилось?).

А получилось, на мой взгляд, очень удачно. И человек, взявшийся это читать подряд - пожалуй, лучше не по алфавиту фамилий докторовских собеседников, а в последовательности профессиональных поколений (от 1-го к 4-му) - узнает о советской / российской социологии больше и лучше, чем из иного специального историко-научного труда. Именно так, потому что: а) из первых рук; б) история науки - в биографиях и лицах; в) пропущено сквозь ум и сердце заинтересованного, компетентного и ответственного участника (актера) послевоенной советской / российской социологии, на протяжении почти всей ее 50-летней истории.

Читатель без труда разберется в технологии обращения с электронной книгой, имеющей ряд специфических преимуществ перед бумажной (печатной продукцией).

Электронную книгу легко и удобно переиздавать, дополнять. Вот и сейчас – двух месяцев не прошло с момента первоиздания, а уже появляется второе, **дополненное** издание (2012), с приращением списка интервью с коллегами с 40 до 44. Могу

предположить, что в третьем издании (2013) их станет свыше 50.

Но даже если сам автор (Б. Докторов) сейчас приостановит свою подвижническую работу проведения биографических интервью с коллегами-социологами, это не исключает ее продолжения другими людьми. Прецедент создан, метод разработан и опробован, база заложена. Остается сказать: **продолжение следует**.

Андрей Алексеев. 27.12.2011

Ниже – список авторов, представленных в данной книге биографических интервью, сгруппированный по профессиональным поколениям:

I поколение

[Заславская Т. И.](#), [Здравомыслов А. Г.](#), [Лапин Н. И.](#), [Шляпентох В. Э.](#), [Ядов В. А.](#), [Ельмеев В. Я.](#)

II поколение

[Алексеев А. Н.](#), [Артемов В. А.](#), [Баранов А. В.](#), [Гишинский Я. И.](#), [Максимов Б. И.](#), [Столович Л. Н.](#), [Тощенко Ж. Т.](#), [Тукумцев Б. Г.](#), [Фирсов Б. М.](#)

III поколение

[Беляев Э. В.](#), [Божков О. Б.](#), [Воронков В. М.](#), [Гофман А. Б.](#), [Ионин Л. Г.](#), [Кесельман Л. Е.](#), [Константиновский Д. Л.](#), [Могилевский Р. С.](#), [Панова Л. В.](#), [Петренко Е. С.](#), [Протасенко Т. Э.](#), [Саганенко Г. И.](#), [Смирнова Е. Э.](#), [Толстова Ю. Н.](#), [Травин И. И.](#), [Шереги Ф. Э.](#)

IV поколение

[Бачинин В. А.](#), [Беспалова Ю. М.](#), [Давыдов А. А.](#), [Здравомыслова Е. А.](#), [Илле М. Е.](#), [Ильин В. И.](#), [Козлова Л. А.](#), [Мягков А. Ю.](#), [Семенова В. В.](#), [Тарусин М. А.](#), [Чирикова А. Е.](#), [Ядов Н. В.](#)

Настоящее электронное издание размещено на [сайте Центра социального прогнозирования и маркетинга](#). Почти все эти биографические интервью можно найти также и на сайте [«Международная биографическая инициатива»](#).

Ваш – Андрей Алексеев. 30.01.2012.

**

***Включение 136.** А. Алексеев - Э. Беляеву, Л. Борусяк, Б. Вульфовичу, А. Готлиб, Е. Григорьевой, Б. Докторову, М. Илле, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, О. Маховской, В. Семеновой, Б. Фирсову, Д. Шалину, Ф. Шереги, В. Шляпентоху, В. Ядову; Р. Баранцеву, Ю. Беспаловой, О. Божкову, Н. Дадали, Н. Деминой, К. Дивисенко, В. Дмитриевскому, В. Ильину, А. Кетегату, Н. Корневу, М. Мацкевич, К. Пигрову, Т. Протасенко, И. Ронкиной, О. Старовойтовой, Л. Столовичу, О. Тиховской, Г. Тульчинскому, М. Филипповой, И. Флиге, Н. Цветаевой, И. Яковлевой; и др. коллегам*

28.03.2012

Уважаемые со-товарищи по социобиографическому «незримому колледжу», а также те, кто мог бы к ним присоединиться!

1. Давно не было между нами обмена посланиями. Кто захочет освежить в памяти прежние – см. вышеприведенные сетевые адреса.

Напомню, что дискуссия «Биография и биокритика», начавшаяся еще в прошлом году, пока не завершена. Ее инициатор и ведущий Дмитрий Шалин, вскоре, вероятно, подведет ее итоги. Но еще не поздно сделать в эту дискуссию вклад «под занавес».

Каковой возможностью я и пользуюсь, отправляя это письмо.

Как мне уже доводилось сообщать, **21-23 апреля с. г.** в Петербурге состоятся очередные - уже десятые! - [биографические Чтения памяти В. Иофе «Право на имя. Биографика 20 века»](#). На всякий случай прилагаю уже вошедшее в наш протокол (запись от 30.01.2012) информационное письмо об этом мероприятии (см. под скрепкой).

Участие в этих чтениях традиционно только очное, так что многие из нас стать их участниками не смогут. Но ввиду близости наших интересов с кругом и содержанием петербургских биографических чтений, я обязательно дам знать о конкретной программе чтений, а также сообщу сетевой адрес, где будут размещены тезисы докладов.

Пока же посылаю вам, для сведения (а может и для дискуссии?) **собственные тезисы**, подготовленные к Десятым биографическим чтениям памяти В. Иофе. Как нетрудно заметить, они во многом навеяны предметом наших полемик о соотношении «объективного» и «субъективного» в биографических интервью и нарративах.

См. ниже: **«Объективной истины о человеке не бывает, потому что он субъект...»**

2. Пользуюсь случаем также сообщить о новых сетевых адресах двух авторских монографий, так или иначе затрагивающих социобиографическую проблематику. Это:

Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия - социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексии. Тт. 1-4. СПб.: Норма, 2010.

Электронные версии всех 4-х томов этой книги см. на сайте «Международная биографическая инициатива»: <http://cdclv.unlv.edu/programs/bios.html>

[A. Alekseev](#), Profession -- Sociologist, Vol. 1 (*Rus*)

[A. Alekseev](#), Profession -- Sociologist, Vol. 2 (*Rus*)

[A. Alekseev](#), Profession -- Sociologist, Vol. 3 (*Rus*)

[A. Alekseev](#), Profession -- Sociologist, Vol. 4 (*Rus*).

Моя благодарность Дмитрию Шалину за эту инициативу.

3. И другая книга:

Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1- 4. СПб.: Норма, 2003-2005.

Электронные версии всех 4-х томов названной книги недавно размещены на сайте Центра социального прогнозирования и маркетинга:

<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216> : [Том 1](#) [Том 2](#) [Том 3](#) [Том 4](#).

Я очень благодарен за это коллегам Ф. Шереги, Е. Григорьевой и Б. Докторову.

Ниже - аннотация к этой публикации на сайте ЦСПиМ:

[Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. — СПб.: Норма, 2003-2005.](#)

В этой книге отражены профессиональные и жизненные поиски автора-социолога, относящиеся к исследованию взаимодействия личности и социальной среды, человека и социальных институтов, индивидуального и социального сознания.

На рубеже 70-80-х гг. прошлого века автором с коллегами было предпринято андерграундное экспертно-прогностическое исследование, ставшее впоследствии известным по названию анкеты - «Ожидаете ли Вы перемен?». Другое неординарное исследовательское предприятие автора, относящееся к 1980-м гг., известно под названием эксперимент социолога-рабочего. Материалы этих двух и ряда других социологических опытов наиполнейшим образом представлены в настоящей книге.

В отличие от известных канонов научной монографии, эта работа представляет собой сюжетно выстроенное «социолого-драматургическое» произведение, где результаты исследования предстают не как готовые, а как развивающиеся в процессе их получения. Сюжетообразующим элементом является упомянутый натурный эксперимент – «наблюдающее участие» социолога в социальных процессах, подлежащих исследованию, будь то производственная, научная, общественная жизнь

Первый том («В поисках жанра») посвящен начальному этапу эксперимента социолога-рабочего. На этом этапе был разработан и опробован социологический метод наблюдающего участия, предполагающий активное вмешательство исследователя в изучаемые социальные процессы, синтез практической деятельности, рефлексии и игры.

Во втором томе («Контрапункты») рассматривается продолжение эксперимента при «вновь возникших» обстоятельствах - состоявшейся в середине 80-х гг. эскалации идеологических и политических обвинений в адрес социолога-испытателя. Социологически осмысливается личный опыт самообороны от этих обвинений, при товарищеской поддержке коллег (ученых, рабочих, журналистов).

Основное содержание третьего тома («Полигон») составляет заключительный этап эксперимента социолога-рабочего. Как и предыдущие, данная часть книги являет собой композицию авторских текстов разных лет (тексты – личные, деловые, научные). Причем, как и в предыдущих томах, эти аутентичные документы – иногда развернуто, иногда вкратце – комментируются автором «из сегодня».

Широко представлены в книге – во всех ее частях – также тексты других лиц (как правило, коллег и друзей автора). Это в особенности относится к заключительному, четвертому тому («Версии»), где сопоставляются разные трактовки, истолкования эксперимента социолога-рабочего (от апологетических до резко-критических), а также представлены материалы исследования «Ожидаете ли Вы перемен?» (рубеж 1970-80-х гг.).

Автор является одним из пионеров внедрения качественных («гибких», «мягких») методов исследования в практику современной отечественной социологии. Особое внимание в книге уделено проблематике многообразия и соотношения разных способов социального познания.

Для специалистов гуманитарных наук и широкого круга читателей, стремящихся понять общество, в котором они живут, и самих себя в этом обществе.

ISBN 5-87857-068-8

Ключевые слова: [социальное сознание](#) | [индивидуальное сознание](#) | [социальный институт](#) | [социология труда](#) | [достоверность прогноза](#) | [социальная модель](#) | [качественные методы в социологии](#) | [эксперимент социолога-рабочего](#) | [наблюдающее участие](#) |

Примечание. На сайте ЦСПиМ книга представлена в формате 2-х страничных разворотов, Кто захочет полистать ее в более удобном одностраничном формате, может обратиться к этой работе, размещенной на [Яндекс.Народ.ру](#).

4. И последнее. В свое время, еще в октябре прошлого года, на нашем форуме «Биографика, социология и история» в рамках дискуссии «Биография и биокритика» был помещен обмен полемическими репликами между мною и Дм. Шалиным, затрагивающий, в частности, методологические и этические проблемы натурального эксперимента в социологии и т. п. (см. включения **49** и **74** в [протоколе 2.2 названной дискуссии](#)).

Так вот, по инициативе Дмитрия эта полемика обнародована на страницах питерского журнала [«Телескоп»](#) (2012, № 2) - нашего ближайшего партнера и соучастника социобиографического «незримого колледжа». Подборка называется: **«Дискуссия через океан»**. В ее составе:

- Д. Шалин. Проблемы этики натурального эксперимента: Ответ Андрею Алексееву
- А. Алексеев. Защита наблюдающего участника.

Подборка открывается предисловием Б. Докторова. Его текст см. ниже (включение 138).

Благодарю за внимание. Ваш – Андр. Алексеев. 28.03.2012.

Постскриптум

Просматривая предыдущие записи ([протокол дискуссии 2.4](#)), обнаружил, что остался там не завершённым сюжет с так называемым **«Четвертым всероссийским социологическим конгрессом»** (я имею в виду – московский, или, как иногда говорят, «осиповский» конгресс; см. выше: включение 235 и ранее).

Что ж, это мероприятие состоялось, в положенное время (2-4 февраля) и в положенном месте, со всей соответствующей помпой внутри, но и как-то малозаметно «снаружи». Сколько ни вглядывался я в [фотографии зала](#), знакомых лиц известных социологов не усмотрел, хоть Колонный зал Дома Союзов, где состоялось открытие, и был полон.

Ну, с массовками у нас в России, как мы могли убедиться хотя бы на примере митингов на Поклонной и в Лужниках, все в порядке.

Из отчета [«Самая гуманитарная из наук»](#) (так!) на сайте «Наука и технология»:

«Сегодня, 2 февраля, в Колонном зале Дома Союзов открылся IV Всероссийский Социологический Конгресс. В его трёхдневной работе примут участие представители 60 российских регионов. Темой этого собрания заявлена «Социология в системе научного управления общества». В приветственном слове Председатель Совета Федерации РФ **Валентина Матвиенко** напомнила присутствующим о сложной судьбе российской социологии, которая после октября 1917 года была предана забвению. Её возрождение и развитие началось в 1960-70-е годы благодаря **Владимиру Ядову** и **Геннадию Осипову**.

«Социология – важнейшая наука из всех гуманитарных, – подчеркнула Валентина Матвиенко. – Учёных-социологов можно сравнить с врачами-диагностами, которые способны определить состояние здоровья общества».

По мнению спикера Совета Федерации, региональные власти должны резервировать в бюджетах средства на социологические исследования. Эти затраты наверняка оправдаются. Со времён Перестройки власти запаздывают с реакцией на общественные потребности. Важно, чтобы исследования носили научный характер – «ложных опят», по словам Матвиенко, в этой сфере очень много. По её мнению росту авторитета социологии мешают два фактора: во-первых, «стремление политиков сделать социологию своей служанкой; особенно это проявляется перед выборами, когда у некоторых деятелей вырастают рейтинг, в то время как население об этих людях ничего не знает». Во-вторых, существование «псевдо-социологического братства, которое за деньги готово выдать любые результаты. Надо выводить на чистую воду этих [лжеучёных](#)», – считает Матвиенко.

По мнению Валентины Матвиенко, социологии угрожает псевдо-социологическое братство, которое за деньги готово выдать любые результаты».

Прочитываю также из отчета [на сайте Российского государственного социального университета](#) о завершающем (4 февраля) заседании конгресса:

«Открывая второе пленарное заседание, академик РАН Геннадий Васильевич Осипов назвал дни проведения конгресса историческими.

«За это короткое время мы с вами убедились, что социология достигла научного

статуса, стала наукой, получила развитие во всех регионах нашей страны».

Аплодисментами были встречены слова резолюции конгресса: «Мы пришли к выводу, что социология должна изменить свое место в системе научного управления российским обществом - социологические науки должны быть включены в эту систему».

Константин Михайлович (?? – А. А.) Горшков особенно отметил работу секций и круглых столов – той части конгресса, где действительно кипела работа и каждый имел возможность высказаться.

«При всем том обилии материала, который поступает из регионов», - сказал он, «мы сделали вывод, что московские ученые знают далеко не все. Нужно наладить каналы научной коммуникации, чтобы мы знали, как продвигается научный процесс за пределами Москвы».

Характеризуя работу конгресса, он заметил: «Конгресс был интересен тем, что он показал всю многоаспектность социологического знания».

Второе пленарное заседание завершил концерт, подготовленный лучшими творческими коллективами Российского государственного социального университета».

Для социологов-профессионалов комментарии излишни.

Впрочем, к чести организаторов этого конгресса, они разместили на его сайте [тезисы всех секционных докладов](#). Выпущена электронная книга (на диске): Социология в системе научного управления [Электронный ресурс]: Материалы IV Всероссийского социологического конгресса / ИС РАН, ИСПИ РАН, РГСУ. — М.: ИС РАН, 2012. — 1 CD ROM. Почему-то остались не опубликованными (пока) пленарные доклады.

Что касается Четвертого всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие», который готовится Российским обществом социологов и который состоится 23-25 октября 2012 г. в г. Уфа, то [его подготовка идет своим чередом](#). На днях на сайте РОС опубликован [проект программы этого Конгресса](#): 13 сессий, 36 секций, 15 круглых столов.

Со 2 апреля 2012 года начинается OnLine регистрация участников Конгресса.

Пользуюсь случаем обратить внимание коллег, что в только что опубликованной программе 4-го всероссийского социологического конгресса (г. Уфа, октябрь 2012) запланирован круглый стол:

...2. Темпорализм (проблема времени) социологии: социальное время, время поколения, жизненный путь, время биографии

Сопредседатели: Семёнова Виктория Владимировна, д.с.н.

Ярская Валентина Николаевна, д. филос. н.

Координатор: Бабаян Инна Вячеславовна, к.с.н.

Ученый секретарь: Медведев Кирилл Евгеньевич

30 (7)

Возможно, кто-то из нашего "незримого колледжа" захочет подать заявку на участие (очное или заочное) в этом круглом стол, в соответствии с [регламентом конгресса](#):

АА. 30.03.2012

**

Включение 137. А. Алексеев - для Десятых биографических чтений памяти В. Иофе «Право на имя. Биографика 20 века»

А. Н. Алексеев
(независимый исследователь,
СПб)

«Объективной истины о человеке не бывает, потому что он субъект...»

Это высказывание ушедшего от нас в прошлом году И. С. Кона взято из личной переписки по частному поводу, однако имеет широкий, обобщающий смысл.

Накопленный Б. Докторовым и некоторыми другими исследователями опыт сбора и обобщения биографических интервью, взятых у коллег-социологов разных поколений, дал повод для дискуссии о мере объективности (достоверности) отображения жизненного пути и профессиональной карьеры, а также интеллектуальной биографии - в таких субъективных документах личности и времени, биографии и истории, как биографические нарративы. В частности, высказывались едва ли не полярные точки зрения на этот счет в дискуссии «Биография и биокритика» развернувшейся на форуме «Биографика, социология и история», в рамках российско-американского проекта «Международная биографическая инициатива» (<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>. См. там: Invisible College: IBI Forum1, 2.1, 2.2, 2.3, 2.4).

Автор настоящего доклада отстаивает ту точку зрения, что всякое автобиографическое повествование имеет право на намеренную субъективность (не говоря уж о субъективности ненамеренной), на предъявление человеком событий собственной жизни, а также их освещение и истолкование такими, какими он их видит и / или хотел бы видеть и трактовать. Биографант имеет право на умолчание и даже на искажение действительных событий, если это не затрагивает чести и достоинства других людей. Всякий «рассказ о жизни» есть автопортрет героя (он же - рассказчик), каким он был и, вместе с тем, каким является ныне, есть взгляд в прошлое «из сегодня», сквозь призму всего жизненного и исторического опыта субъекта. Любая информация в биографическом нарративе есть жизненное свидетельство, а не свидетельское показание.

Что касается поиска объективной истины и адекватной биографической и / или исторической реконструкции, то это – дело профессионального исследователя, использующего ради этого и не только биографический метод (в частности, в социологии прижился термин «методологическая триангуляция»). «Истинная» история (хоть общества, хоть индивида) есть продукт конфигурации, сопоставления и взаимопроверки данных, полученных разными методами. Она складывается из множества последующих интерпретаций, о качестве которых мы судим по мощности информационной базы, по соблюдению профессиональных норм, а если говорить об отдельно взятом автобиографическом тексте, то - по стилистическим характеристикам и внутренней непротиворечивости самоописания и ауторефлексии рассказчика.

Заметим, что при всей субъективности таких автобиографических произведений, как «Жизнь – сапожок непарный» (Тамара Петкевич), «Подстрочник» (Лилианна Лунгина), «Корни и сучья» (Анатолий Солипатров), «Диск» (Анри Кетегат), вряд ли даже самому придирчивому читателю придет в голову усомниться в их биографической и исторической достоверности.

Вышеприведенные методологические положения иллюстрируются примерами из практики истории отечественной социологии «в лицах», в частности, представленной в электронном издании: Докторов Б. З. Биографические интервью с коллегами-социологами [электронный ресурс] Второе издание / Ред.-сост. А.Н. Алексеев. М.: ЦСПиМ. 2012 (<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=195>).

Февраль 2012

**

Включение 138. Из журнала «Телескоп» (2012, № 2)

ДИСКУССИЯ ЧЕРЕЗ ОКЕАН

Зримые результаты «незримого колледжа». Со временем мне хотелось бы написать обстоятельную статью под таком заголовком, а сейчас – только обращаю внимание читателей журнала на публикуемые ниже небольшие заметки Дмитрия Шалина и Андрея Алексеева. Вообще говоря, авторы этих материалов не нуждаются в представлении, ибо каждым из них написано много, и они – постоянные авторы «Телескопа». Появление данной преамбулы объясняется лишь моим стремлением несколько конкретизировать утверждение, с которого начинается этот текст.

«Зримые результаты» - это моя интерпретация содержания статьи Михаила Илле и Константина Дивисенко, написанной в связи 15-летием «Телескопа» («Телескоп», 2012, №1). Проведенный ими статистический анализ опубликованного в журнале за последние пять лет, в частности, фиксирует тот факт, что среди тематических рубрик лидирующие места занимают: «современная история российской социологии» и «методология и методы», а в географическом отношении – заметны авторы, проживающие в Петербурге и в США. Можно утверждать, что значительный вклад в развитие обоих предметных департаментов журнала внесен представителями «незримого колледжа», к тому же они в полной мере образуют корпус американских авторов и в определенной степени «наполняют» петербургскую страту публикующихся в журнале.

Что касается собственно «незримого колледжа», то имеется в виду неформальная группа социологов, объединенных интересом к истории современной советской / российской социологии и к биографическому методу, а также стремлением к открытому, неформализованному обмену мнениями по возникающим при этом исследовательским проблемам. «Ядро» данной общности составляют А. Алексеев, Б. Докторов и Д. Шалин. Среди участников «колледжа», активно обсуждающих методологические, методические и этические аспекты историко-социологических поисков, назову: Э. Беляева, А. Готлиб, Л. Козлову, Н. Мазлумянову, Б. Фирсова, В. Шляпентоха и В. Ядова.

Заметки Шалина и Алексеева имеют самостоятельное значение, так как углубляют наше видение различных подходов к исследованию недавнего прошлого отечественной социологии, точнее – это спор о технологии и этике активистской, или акционистской социологии, понимаемых авторами существенно по-разному. Их дискуссия представляет особый интерес, поскольку, обсуждая довольно общие вопросы, они обращаются к личному жизненному опыту. Вместе с тем их позиции обрастают новыми смыслами при их погружении в контекст мнений других участников «незримого колледжа» («Телескоп»: 2011, № 3, 4, 5, 6; 2012, №1).

Б. Докторов

**

Включение 139. А. Алексеев - Э. Беляеву, Л. Борусяк, Б. Вульфовичу, А. Готлиб, Е. Григорьевой, Б. Докторову, М. Илле, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, О. Маховской, В. Семеновой, Б. Фирсову, Д. Шалину, Ф. Шереги, В. Шляпентоху, В. Ядову; Р. Баранцеву, Ю. Беспаловой, О. Божкову, Н. Дадали, Н. Деминой, К. Дивисенко, В. Дмитриевскому, В. Ильину, А. Кетегату, Н. Корневу, М. Мацкевич, К. Пигрову, Т. Протасенко, И. Ронкиной, О. Старовойтовой, Л. Столовичу, О. Тиховской, Г. Тульчинскому, М. Филипповой, И. Флиге, Н. Цветаевой, И. Яковлевой; и др. коллегам

28.04.2012

Уважаемые коллеги!

Как-то приувыла наша дискуссия. Притихла полемика, а какие страсти о «биографии и биокритике» кипели в прошлом году! Все они отражены на МБИ-форуме «Биографика, социология и история»:

«Международная биографическая инициатива»:

<http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>

Дискуссии:

О «незримом колледже» и биографических интервью
[Invisible College: IBI Forum 1.0, 2011 PDF \(html\)](#)

Биография и биокритика

[Invisible College: IBI Forum 2.1, 2011 PDF \(html\)](#)

[Invisible College: IBI Forum 2.2, 2011 PDF \(html\)](#)

[Invisible College: IBI Forum 2.3, 2011 PDF \(html\)](#)

[Invisible College: IBI Forum 2.4, 2011 PDF \(html\)](#)

[Invisible College: IBI Forum 2.5, 2011 PDF \(html\)](#)

Ниже – обращаюсь к последним событиям, а также и к поводам для продолжения дискуссии на форуме МБИ.

Содержание

1. Состоялись 10-е международные биографические чтения памяти В. Иофе в СПб.

2. «Объективной истины о человеке не бывает, потому что он субъект...»

3. Современная российская социология. Историко-биографические поиски.
Электронный 3-томник Б. Докторова

4. Романы самостояния - семейные хроники Эрлены Лурье

5. Навстречу очередному Четвертому всероссийскому социологическому конгрессу (г. Уфа, октябрь 2012)

1. Состоялись 10-е международные биографические чтения памяти В. Иофе в СПб.

Между тем, некоторые из наших дискуссионных сюжетов стали предметом обсуждения на 10-х биографических Чтениях памяти В. В. Иофе «Право на имя. Биографика 20 века», происходивших в Санкт-Петербурге 21-23 апреля 2012 г.

(Я уже извещал об этом научном мероприятии, организуемом Научно-информационным центром «Мемориал» (СПб), при сотрудничестве с Европейским университетом в СПб, Польским институтом в Санкт-Петербурге и Международным обществом «Мемориал» (Москва); см. включение ...)

На портале «Когита.ру» можно ознакомиться с полной [программой](#) и [сводом тезисов докладов](#), прозвучавших на этих Чтениях.

Освобожденный от подробностей места и времени текст программы Чтений см

ниже.

**Список докладов на 10-х биографических Чтениях памяти В. В. Иофе
(СПб. 21-23 апреля 2012 г.)**

21 апреля, суббота.

Олег Николаев «Фотографические» сюжеты в составе автобиографического нарратива (на материале воспоминаний о Гулаге)

Андрей Алексеев «Объективной истины о человеке не бывает, потому что он субъект...»

Марко Клементи «Нуто Ревелли - создатель итальянкой устной истории»

Елена Струкова «Биография как игра: Похождения кота Дорофея (собираТЕЛЬНЫЙ образ участников «снежной революции»)»

«Обвинитель Фриц Бауэр: Смерть в рассрочку». Спецпоказ документального фильма (реж. Илс Ционк, 2010)

22 апреля, воскресенье.

Наталья Крук, Виктор Гуревич «От первого трактора – к первому луноходу. Через Гулаг»

Рублев «Автобиография и биография, как формы сопротивления политике тоталитарного государства: на примере анархиста и политзаключённого А.Н. Андреева»

Максим Скороходов «Отклики на смерть как материалы к биографии»

Ольга Тиховская «Актуализация документа и прагматика жизнеописания: Опыт анахронической биографии кинорежиссёра О. П. Улицкой (1902 – 1978)

Александр Марголис «Памяти Герцена»

Денис Ахалкин «Иосиф Бродский: конструирование биографии»

Борис Беленкин «В отсутствии смерти (лексико-семантические особенности жизнеописания жертв политических репрессий в 1950-х – 1980-х)»

Петр Базанов «Человек без биографии: Дий Юрьевич Репин (1907-1935)»

Катриона Басс «Биография Петербурга»

Сергей Соловьев «Варлам Шаламов как биограф»

Никита Кузнецов «Выпуск Морского кадетского корпуса 1894 года: попытка коллективной биографии».

23 апреля, понедельник.

Евгения Звонарева «Автобиографический коллаж: книга Всеволода Волина «Неизвестная революция»»

Полина Румянцева «Этническая автобиография как метод исследования факторов формирования этнической идентичности у русскоговорящих иммигрантов в Финляндии»

Севиль Векилова «Признаки мифологизации семейной биографии»

Дмитрий Козлов «Судьба С.К. Пирогова (1931–2006). «Случайности» в создании биографического нарратива»

Ольга Розенблюм «Дискуссии о биографических нормах в журнале «Литературный критик»

Федор Дубшан «Фрагменты жизни. Рефлексии журналиста о создании биографических материалов в газетной периодике»

Адам Михник «Вилли Брандт: Тернистый путь диссидента или Мужество и конформизм»

Елена Юшкова «Ни зонтика, ни пледа я вам носить не буду»: образ Айседоры Дункан в неопубликованных воспоминаниях забытого советского писателя Фабиана Гарина «Наедине прошлым»

Дмитрий Травин «Семидесятнудые – анализ поколения»

Дмитрий Зубарев, Геннадий Кузовкин «Затерянный в ГУЛАГе: три жизни Андрея Шимкевича
Сергей Фокин «Забытая жизнь. Владимир Тимофеевич Шевяков (1859–1930)»

Как обычно, к открытию очередных Чтений памяти В.В. Иофе был приурочен выход в свет сборник докладов предыдущих чтении:

- **Девятые чтения памяти Вениамина Иофе «Право на имя. Биографика 20 века. 20-22 апреля 2011». СПб., НИЦ «Мемориал», 2012.**

Итак, наш социобиографический «незримый колледж» имеет в лице сообщества участников ежегодных международных Биографических чтений памяти В. В. Иофе близкородственную (как тематически, так и идейно) компанию. Остается надеяться что сотрудничество между нами станет более тесным и пересечение этих научных кругов будет осуществляться не только в моем лице.

Далее, приведу полный текст своего собственного доклада на 10-х биографических Чтениях памяти В.В. Иофе (апрель 2012)

2.

Алексеев А.Н.

«Объективной истины о человеке не бывает, потому что он субъект...»

Это высказывание ушедшего от нас в прошлом году И. С. Кона взято из личной переписки по частному поводу, однако имеет широкий, обобщающий смысл.

1

Накопленный Б. Докторовым (1) и некоторыми другими исследователями опыт сбора и обобщения биографических интервью, взятых у коллег-социологов разных поколений, дал повод для дискуссии о мере объективности (достоверности) отображения жизненного пути и профессиональной карьеры, а также интеллектуальной биографии - в таких субъективных документах личности и времени, биографии и истории, как биографические нарративы. В частности, высказывались едва ли не полярные точки зрения на этот счет в дискуссии «Биография и биокритика» развернувшейся на форуме «Биографика, социология и история», в рамках российско-американского проекта «Международная биографическая инициатива» (2).

Особенно ярким критиком «субъективизма» биографического метода выступил старейший российско-американский социолог В. Шляпентох. (3). Одним из поводов для критики послужило сомнительное, с точки зрения В.Ш., воспоминание о жизненном эпизоде полувековой давности, вошедшее в состав биографического интервью одного из коллег.

Здесь не стану углубляться в перипетии этой дискуссии, имевшей много методологических и этических поворотов и ответвлений (4). А выскажу несколько общих соображений, существенных, как мне кажется, для понимания соотношения «субъективного» и «объективного» в биографике.

2

Биография человека не сводится к последовательности личных и/или общественно значимых событий, она есть также многолетнее движение мысли, чувства, воли – внутреннего мира человека (недаром говорят: интеллектуальная, творческая и т.д. биография).

Расширим этот взгляд, отнеся его к социальной реальности в целом.

А. Социальная реальность (хоть в статике, хоть в динамике взятая, хоть вообще, хоть в отдельных ее сферах) включает в себя как «бытие», так и «сознание» (соответственно – общественное, коллективное и даже индивидуальное), а также все многообразие связей между ними. Т. е. сознание не менее реально, чем бытие.

Б. Как объективная, так и субъективная стороны социальной реальности (исторического процесса) могут фиксироваться и «твердыми», и «мягкими» фактами, строго и нестрого организованными наблюдениями, официальными и личными документами, качественными и количественными методами. Не существует предпочтительных способов узнать, как все было «на самом деле».

В. «Не доверять» надо в равной мере как «субъективным» свидетельствам частных лиц (ретроспективные еще менее надежны, чем созданные «по горячим следам»), так и «объективным» (скрепленным всевозможными печатями) документам. Ибо авторы последних –

тоже люди, к тому же особо зависимые от институциональных установлений и «господствующих мыслей эпохи». Так, например, наивно полагать, что сухое фактографическое описание исключает тенденциозность, равно как и неправда, что в экспрессивных мемуарных заметках отсутствует объективное содержание.

Г. Всякое исследование социальной реальности, каким бы арсеналом методов оно ни пользовалось, есть процесс относительно односторонний и принципиально не завершённый. Если исследователь сосредоточен преимущественно на фактах социального поведения, это вовсе не означает, что – хотя бы впоследствии и не им самим – это не будет дополнено фактами сознания (о которых, впрочем, приходится судить либо по вербальному поведению, либо по реконструкциям мотивов и т. п. из установленных «объективных» фактов). И наоборот.

Д. «Истинная» история (хоть общества, хоть индивида) неизбежно есть продукт множества последующих интерпретаций, о качестве которых мы судим по мощности информационной базы, соблюдению профессиональных норм, логичности и внутренней непротиворечивости рассуждений. Что касается истории личности, т. е. биографии, то, как тонко заметил (в частном письме) И. С. Кон: «Объективной истины о человеке не бывает, потому что он субъект» (5).

Е. Спор на тему: среда определяет сознание или сознание творит мир (вариация основного вопроса философии), – мало перспективен, именно как спор, но не как диалог, предполагающий взаимообогащение его участников новыми знаниями и аргументами. Не ИЛИ, а И (то и другое...) приближает к пониманию реального устройства, в частности, «социальной вселенной».

Ж. Что касается биографических исследований, то двумя ключевыми и равноправными вопросами здесь, на наш взгляд, оказываются: «что обстоятельства делают (могут сделать) с человеком» и «что человек делает (может сделать) с обстоятельствами». Это есть некий двуединый процесс, который может исследоваться комплексно, а может – и по частям, в перспективе позднейшего синтеза.

3

Теоретико-методологические тексты Б. Докторовой, Д. Шалина, В. Шляпентоха, О. Маховской, Э. Беляева, Б. Фирсова, А. Готлиб и др. членов «незримого колледжа» имеют отношение вовсе не только к истории российской социологии, будь то с «человеческим» или «нечеловеческим» лицом, или к биографическому методу, в любых его формах. Это мое первое утверждение.

И второе: особенно последняя полемика Анны Готлиб и Владимира Шляпентоха (6) демонстрирует, на мой взгляд, наше разнообразие в единстве и единство в разнообразии. Хочется оппортунистически согласиться с обоими полемистами, поскольку у каждого – свое «рациональное зерно».

С точки зрения сказанного, я удерживаюсь от того, чтобы солидаризоваться с В. Шляпентохом или А. Готлиб, полагая обоим если не правыми, то ВПРАВЕ акцентировать либо «объективную», либо «субъективную» сторону социальной реальности и, соответственно, социального знания (в том числе, в сфере биографики и истории науки). И оба делают это весьма убедительно. Возражать стоило бы только против абсолютизации той или иной точки зрения. Однако поводов для такой упрека эти авторы в указанных двух текстах вроде не дают.

Замечу еще, что В. Шляпентох, на мой взгляд, напрасно отдает марксизму монополию на тезис о зависимости сознания от среды, приписывая феноменологии и / или постмодернизму исключительно противоположные взгляды. И марксизм вовсе не так уж материалистичен и детерминистичен, и постмодернизм не так уж субъективен и идеалистичен.

4

Влияние внешних и внутренних обстоятельств, культурного, идеологического, а иногда и просто личного контекста на создание всякого данного биографического текста (дискурса) обычно очень велико.

Отсюда возникает сомнение в достоверности всякой биографии, особенно если основным ее источником оказывается собственный рассказ биографанта – биографический нарратив. У критиков биографического метода складывается убеждение, что автобиографическое повествование «насквозь субъективно». При этом предполагается, что только безусловно установленные и многосторонне подтвержденные факты должны составлять корпус биографии.

Разумеется, автор настоящего доклада вовсе не против поиска объективной истины и / или адекватной исторической реконструкции. Однако это дело профессионального исследователя, использующего ради этого и не только биографический метод (в частности, в социологии прижился термин «методологическая триангуляция»).

Что касается средств контроля «на истинность» отдельно взятого биографического текста, то существенным здесь могут оказаться стилевые характеристики и внутренняя непротиворечивость самоописания и ауторефлексии рассказчика.

Заметим, что при всей субъективности таких автобиографических произведений, как «Жизнь – сапожок непарный» (Тамара Петкевич), «Подстрочник» (Лилианна Лунгина), «Корни и сучья» (Анатолий Солипатров), «Диск» (Анри Кетегат), «Дальний архив» (Эрлена Лурье) вряд ли даже самому придирчивому читателю придет в голову усомниться в их биографической и исторической достоверности.

5

И последнее замечание. Создатель биографического нарратива есть главное действующее лицо и – пока здравствует – «хозяин» собственной биографии (имея в виду именно реконструкцию своего жизненного пути, а не сам жизненный путь, что есть отдельная тема).

Автор настоящего доклада отстаивает ту точку зрения, что всякое автобиографическое повествование имеет право на намеренную субъективность (не говоря уж о субъективности ненамеренной), на предъявление человеком событий собственной жизни, а также их освещение и истолкование такими, какими он их видит и / или хотел бы видеть и трактовать. Биографант имеет право на умолчание и даже на искажение действительных событий, если это не затрагивает чести и достоинства других людей. Всякий «рассказ о жизни» есть автопортрет героя (он же - рассказчик), каким он был и, вместе с тем, каким является ныне, есть взгляд в прошлое «из сегодня», сквозь призму всего жизненного и исторического опыта субъекта. Любая информация в биографическом нарративе есть жизненное свидетельство, а не свидетельское показание.

Подводя итог, постулируем следующие положения применительно к биографическим исследованиям:

- а) субъективность есть имманентное свойство личности;
- б) субъективность не есть альтернатива достоверности автобиографического повествования;
- в) автор биографического нарратива имеет право на намеренную субъективность.

Апрель 2012.

Примечания:

(1) См.: Докторов Б. З. Современная российская социология. Историко-биографические поиски [электронный ресурс]. Ы 3-х тт. М.: ЦСПиМ, 2012. 1 CD ROM (<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=237>);

Докторов Б. З. Биографические интервью с коллегами-социологами [электронный ресурс]. Второе издание. М.: ЦСПиМ, 2012 (<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=195>).

(2) См.: <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/programs/bios.html>. См. там: Invisible College: IBI Forum 1, [2.1](#), [2.2](#), [2.3](#), [2.4](#), [2.5](#)).

(3) См.: Шляпентох В. Э. Можно ли бестрепетно доверять автобиографиям видных людей и даже массовым опросам? (http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/collegeinvisible_11.html).

(4) См.: Шалин Д. Н. В поисках нарративной идентичности: К диалогу Андрея Алексева и Дмитрия Шалина (http://cdclv.unlv.edu/pragmatism/shalin_comments-AA-11.html); Беляев Э. Замечания по поводу интервью социологов и на статью Шалина

(http://cdclv.unlv.edu/ega/articles/beliaev_interview_11.html); Шалин Д. Н. О терминологических излишествах, достоверности биоинтервью и мемуарной этике

(http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.1.html); Шляпентох В. Э. Наши разногласия

(http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.3.html); Докторов Б. З. Нет истины, где нет любви (http://cdclv.unlv.edu/archives/Comments/ibi_forum_2.3.html); Алексеев А. Н. На стыке методологических и этических проблем (Читая Дмитрия Шалина. Продолжение диалога)

(http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/aa_ethics_11.pdf); Фирсов Б. М. История социологии «в лицах»: Биография и/или биокритика

(http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/firsov_bh_response_11.pdf); Готлиб А. Мой ответ В. Шляпентоху, или можно ли написать историю социологии «с человеческим лицом»

(http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/gotlib_shlap_11.html); Шляпентох В. Э. От одной крайности к другой: раньше у марксистов среда определяла сознание, теперь у российских постмодернистов все наоборот – сознание определяет мир

http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/shliap_gotlib_11.html).

См. также материалы указанной дискуссии в: Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011, №№ 3, 4, 5, 6; 2012, № 1.

(5) Письмо И. С. Кона датировано 16.12.2009.

Цит. по: Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог (Из опыта драматической социологии: события в СИ РАН 2008 / 2009 и не только). Документы, наблюдения, рефлексии. В 4-х томах. СПб.: Норма, 2010. (Электронная версия -

<http://narod.ru/disk/1666422001/AA%20%26%20RL%20PROF-SOC%20Vol%201-4%20Optim.rar.html>).

См.: Том 2, с. 495.

(6) Готлиб А. С. Качественная методология, исторический нарратив или можно ли написать историю социологии «с человеческим лицом» // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2012, № 1 (Электронная версия -

http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/gotlib_shlap_11.html); Шляпентох В. Э. От одной крайности к другой: раньше у марксистов среда определяла сознание, теперь у российских постмодернистов все наоборот – сознание определяет мир

http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/shliap_gotlib_11.html).

Вышеприведенный текст представлен и в Интернете, на сайте «Международная биографическая инициатива», под несколько видоизмененным названием: [«К дискуссии о соотношении «субъективного» и «объективного» в биографическом нарративе»](#).

Примечание

Должен заметить, что один из тезисов моего доклада, а именно: *«автор биографического нарратива имеет право на намеренную субъективность»*, с пояснением: *«биографант имеет право на умолчание и даже на искажение действительных событий, если это не затрагивает чести и достоинства других людей»*, - показался максималистским и / или провокативным моему коллеге и другу Роману Ленчовскому: мол, не оправдываю ли я тем самым дезинформацию со стороны автобиографа?

(Я спросил у Романа: могу ли на него персонально сослаться, оставив на его дальнейшее усмотрение более развернутую контраргументацию против моего тезиса, и получил разрешение).

На высказанное же замечание коллеги, отвечу фрагментом из своей переписки с И. С. Коном, на которого уже приходилось ссылаться в этом докладе.

Я писал Игорю Семеновичу в 2007 г., по поводу его автобиографической книги «80 лет одиночества»:

«Вам высказывать комплименты вроде даже и неловко. Один («внеисторический») все же произнесу. Мне за последнее время довелось прочитать много биографических текстов, в том числе и наших коллег. И это очень непростое сочетание самокритики с самоутверждением удается далеко не всем. У Вас же это удивительно сбалансировано, даже в живой беседе (не говоря уж о писанных текстах).

Человек должен знать себе цену. И «ложной скромности» Вы начисто лишены. С другой стороны, Вы к себе и беспощадны, точнее – насмешливы. Такому соединению сильных акцентов можно позавидовать. Впрочем, *на такую интонацию надо еще иметь право. Вот у Вас – оно есть. Это уж – от Бога, от Гения, от Судьбы»*.

И. С. ответил тогда замечательно: *«Просто я не люблю врать (это утомительно, неинтересно и бесполезно - все равно кто-нибудь уличит)»*. (Май 2007). (См. Алексеев А. Н., Ленчовский Р. И. Профессия – социолог... Том 2, с. 269)

Так вот, я считаю, автор рассказа о своей жизни имеет право на умолчание и даже дезинформацию (разумеется, в отношении себя, но не других людей!). Но и адресаты этого рассказа (не те, так другие) вправе его «уличить» и - рано или поздно – это происходит. А солгавшему однажды, не будет доверия и в остальном. Так, стоит ли

пользоваться этим «опасным» (для репутации автобиографа) правом?!

Отвечая на сомнение коллеги., замечу также: грань между фактографией и истолкованием биографических событий весьма условна и, на мой взгляд, именно требование «объективности» в случае автобиографии было бы скорее максималистским ...Вот и новый повод для дискуссии!

3. Современная российская социология. Историко-биографические поиски. Электронный 3-томник Б. Доктора

Извещу всех, кто об этом, может быть, еще не знает, о важном событии в жизни – и не только нашего социобиографического сообщества, а всей российской (и думаю, также мировой) социологии.

16.04.2012 некоторые из Вас получили от Бориса Доктора такое письмо:

Дорогие друзья, рад сказать вам, что исполнилось мое давнее желание – собрать все проведенные мною и опубликованные в разных журналах интервью, воедино и представить все широкому кругу читателей... сейчас это удалось сделать, на диске вышел 3-томник «**Современная российская социология. Историко-биографические поиски**». Том 2 – все интервью. С книгой можно ознакомиться на сайте <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=237> . Всем всего самого доброго...

Я располагаю откликом Романа Ленчовского и ответом на него Бориса, которые процитирую:

Дорогой Борис, огромное спасибо! Как за такую работу саму по себе, так и за её оформление и "выдачу на-гора" в интегрированном, целостном виде!

В социологии сие, скорее всего, - уникально: *ни одной ссылки* на подобного рода продукт на основных европейских языках в весьма многочисленных самых разных "историях социологии", энциклопедиях, справочниках, вместе с их сетевыми версиями, - мне не попадалось (не говоря уже о книжках de visu, как говорят библиографы)...

<...> Судя по оглавлениям этих трёх твоих томов многое мне известно, но тем более интригует ещё не читанное, а в особенности - твоя *методология* и "*суммирующая*" *рефлексия* историко-биографических *поисков* в отечественной социологии. Ты задал "координаты" и поднял высочайше "планку" всем последующим подобного рода поискам (моя включённость в каковые, пусть и в пределах одного только Киева и со значительно меньшим размахом, позволяет мне всё же оценить масштабность и сверхсложность твоего предприятия...).

Естественно, при этом приятном от тебя известии нельзя не вспомнить и твой с Дмитрием Шалиным со товарищи грандиозный сетевой "невадийский" историко-социологический биографический проект IBI...

<...> Уже очевидно, что в твоём, Борис, трёхтомнике я вижу надёжный "*маяк*" (если из незабвенного словаря ещё советской публицистики...) - как для собственной "навигации", так и для всех, кто озабочен этой нашей многообразнейшей тематикой. А захлестнувшую меня сей момент ассоциативную волну метафор я далее, по мере углубления в твои тексты, попробую переводить в более подходящий для анализа понятийный концептуальный ряд социологической биографики и биографистики.

Жму руку!..

Ответ Бориса:

Роман, помнишь, была такая форма реакции на благодарственные слова? Разрешите считать сказанное вами как пожелание работать с еще большим усилием и с еще более высокой эффективностью.. постараюсь продолжить работу, а там – как получится, спасибо...

Приведу здесь авторское предисловие к этому электронному изданию:

[Электронное издание \(открыть\)](#)

Том 1

Том 2

Том 3

Обычно, цель предисловия – предварить изложение содержания книги кратким описанием того, что ожидает читателя. Я попытался это сделать и не справился, в любом варианте получается очень длинно. Поэтому решил ограничиться рассказом о том, как возник и развивался настоящий историко-биографический проект, и сухим перечислением важнейших структурных элементов 3-томника. Два эти сюжета дают представление о проблематике проведенного исследования и о том, как она складывалась.

Мое движение к изучению истории современной советской/российской социологии в опоре на биографии тех, кто ее создавал и создает, началось очень давно.

Интерес к биографиям ученых возник у меня на рубеже 50-х – 60-х годов и фактически никогда не исчезал. Летом 1959 г. после окончания школы, перед самым поступлением на математико-механический факультет Ленинградского университета молодой физик-ядерщик рассказал мне о двух книгах. Автором первой является один из крупнейших физиков XX века Эрвин Шредингер, второй – физик, работавший в Принстоне с Эйнштейном, и популяризатор науки – Леопольд Инфельд. Эти работы были трудны для выпускника школы, но, поступив в университет, я вскоре осилил их, более того, они стали для меня настольными. Монография Шредингера [1], физическое введение в генетику, определила мой интерес к прикладной математике, биологии и наукам о человеке. Инфельд рассказал о гениальном математике Эваристе Галуа [2], погибшем на дуэли в 21 год. Несколько страниц, написанных им за пару дней до гибели, содержали основы теории групп, раздела математики, без которого не было бы современной физики. Эта книга породила во мне интерес к изучению творчества ученых, к истории науки.

Социологией я начал заниматься в начале 1968 г., но могло так случиться, что в связи с отъездом в Америку в 1994 году моя работа в этой области науки оборвалась бы. Должно было произойти многое, чтобы лишь через десять лет мои интересы к обоим этим исследовательским направлениям – социологии и истории науки – встретились и возникла тема, расположенная в «точке» их пересечения. В иных обстоятельствах приведенная автобиографическая информация казалась бы лишней, но в данном случае я счел необходимым ее привести, так как сказанное во многом определило методологию и содержание предлагаемой работы.

Цепочка событий, которые привели меня к изучению истории современной российской социологии, начала завязываться далеко от этой темы в начале 2000 года. Тогда в российской и американской русскоязычной прессе обсуждались возможные итоги предстоящих в России президентских выборов, в частности, затрагивалась тема доверия к прогнозам, построенным на опросах общественного мнения. В связи с этим мне показалось интересным изучить статистику электоральных прогнозов Джорджа Гэллапа и написать заметку о том, что при выполнении определенных методических правил социологические прогнозы оказываются верными и точными. Небольшой очерк по итогам этого анализа был опубликован в марте 2000 г. в двух русскоязычных газетах Сан-Франциско и Филадельфии.

Затем захотелось узнать больше о Гэллапе: сквозь сухую информацию биографических справочников и энциклопедий проступала незаурядность его личности, множественность его профессиональных интересов, высочайшая креативность и продуктивность, вера в то, что изучение общественного мнения служит развитию демократии в стране. Но желание написать о Гэллапе возникло не в связи с осознанием некоей научной цели, но лишь потому, что в 2001 г. – так получилось – исполнялось сто лет со дня его рождения. Написал, и, как это часто случается, проведенная работа стала стимулом к новым поискам.

До отъезда в Америку я свыше двух десятилетий занимался анализом методов измерения общественного мнения и участвовал в организации многих опросов. Тем не менее, несколько месяцев потребовалось на поиск и обозначение общих рамок методологии изучения жизни и творчества Гэллапа, позволяющей синтезировать движение в исходном и давно знакомом мне методико-технологическом направлении и в новом для меня — историко-биографическом. В общих чертах эта методология сводилась к тому, чтобы при анализе становления гэллаповской процедуры опроса максимально учитывать «человеческий фактор», а при рассмотрении биографии Гэллапа по-возможности детальнее изучать среду его деятельности, в частности его окружение.

Указанные общие методологические ориентиры в процессе работы начали активно формировать характер историко-биографического исследования: его предмет, географию, хронологию, источники информации и стиль изложения. Ряд неожиданных сюжетов, которые пришлось распутывать уже в начале исследования, подвели меня к осознанию того, что исследователь должен быть постоянно готов не просто к уточнению предметно-объектной направленности его поисков, но и к принципиальному семантическому и временному расширению обследуемого им социокультурного пространства.

Постепенно накапливался опыт историко-наукovedческих исследований и некоторые навыки биографических изысканий. В июне 2004 года я был в Петербурге, выступал на конференции по изучению общественного мнения и докладывал первые результаты моих биографических поисков. Пребывание в России заставило меня задуматься о необходимости расширить географию проводившегося исследования и обратиться к истории изучения общественного мнения в СССР.

В том году исполнялось 75 лет Б.А. Грушину, инициатору первых опросов общественного мнения в СССР и автору давно признанных в нашей стране классическими книг по феноменологии массового сознания и методам его анализа. Потому мне показалось целесообразным, более того — необходимым прервать на пару месяцев исследования истории американских опросов общественного мнения и подготовить статью о творчестве Грушина. Все старые книги Грушина у меня были, а только что вышедшую тогда первую часть второго тома его «четырёхкнижия» он подарил мне, когда я был в Москве. Я позвонил ему и сказал, что буду писать о нем и обращусь к нему, если у меня возникнут вопросы. Работа оказалась очень трудной: мне впервые предстояло написать об активно действующем социологе, с которым меня к тому моменту связывали два десятилетия добрых профессиональных и человеческих отношений. К тому же, хотя поводом для написания статьи была «круглая» дата, материал ни по жанру, ни по стилю не планировался как юбилейный; это было историко-наукovedческое исследование биографической направленности. Да и Грушин был таким человеком, что ничего «юбилейного» о себе без сарказма никогда бы не принял.

В конце лета статья о Грушине [3] была опубликована в петербургском социологическом и маркетинговом журнале «Телескоп», тогда же его издатель М.Е. Илле предложил мне подумать о создании рубрики по современной истории российской социологии. Эта идея показалась мне заманчивой, в целом она не противоречила моим научным интересам. Я согласился, хотя с моей стороны это было авантюризмом, и написал небольшую заметку, в которой не столько оконтурил тематические границы нового раздела журнала, сколько объяснил самому себе, почему такая рубрика необходима. «Программная» заметка [4] была опубликована осенью 2004-го, однако на тот момент исторический проект выглядел фантазией. Никаких материалов для нового «департамента» журнала не было, и его наполнение казалось проблематичным по сути и далеким — по времени.

Через пару недель после опубликования в Петербурге статьи о Грушине я получил журнал по почте, перечитал текст и лишь тогда решился показывать его Грушину. Он знал о готовившейся статье, но с ним я ничего не согласовывал и рабочие варианты текста не высылал. Я позвонил Грушину, чтобы узнать, как его жизнь, он сказал, что вскоре будет в Америке. Тогда мне захотелось сделать ему сюрприз, и я отправил журнал его дочери, живущей в Вашингтоне. Через какое-то время он мне позвонил и сказал, что прочел, нашел ряд неточностей, но в целом согласился с моим изложением его жизни и работы. Услышав это, я вздохнул с облегчением... и разослал электронный вариант статьи социологам, лично знавшим Грушина на протяжении многих лет.

Вскоре ответил Б.М. Фирсов: «Так мы друг о друге не писали...». Несколько позже откликнулся ЯдовЭлектронное письмо В.А. Ядова Б.З. Докторову от 11 декабря 2004 г.: «... я с огромным интересом прочел твою статью о Грушине, каковая далеко не только о нем, но многом другом, что важно для понимания процессов развития важнейшего направления в социологии...». На следующий день он добавил: «Пример Грушина заразителен». Я понял

эти слова как предложение заняться историей отечественной социологии. И начал.

Таким образом, предложение Илле, некоторые общие заявления, сформулированные мной при обосновании концепции новой рубрики журнала, позитивное отношение к первой работе по истории советской социологии людей, к суждениям которых я давно привык прислушиваться, заставили меня искать возможности для сбора исторического материала. Прежде всего я обратился с электронными письмами ко многим коллегам из Петербурга, Москвы и других городов с просьбой вспомнить и описать прошлое и присылать мне материалы для публикации. Это обращение не было воспринято с тем энтузиазмом, на который я рассчитывал, и тогда для поддержания уже объявленной в журнале рубрики пришлось искать что-то иное. Возник план проведения серии интервью по электронной почте с российскими социологами, с которыми я поддерживал более или менее постоянную переписку и воспоминания которых были бы, по мнению издателя и моему собственному, интересны читателям «Телескопа». Тогда я еще не думал целенаправленно ни о выборке, ни о тематике интервью.

Первым, к кому я обратился с предложением поговорить о жизни, был Б.М. Фирсов; это произошло 21 августа 2004 года. Наша «электронная беседа» продолжалась свыше трех месяцев, и в первом выпуске «Телескопа» следующего года она была опубликована [5]. Сразу после новогодних праздников 2005 г. я предложил Я.И. Гилинскому провести с ним биографическое интервью. В тот момент в Петербурге была ночь, но уже через несколько минут после отправки моего письма я получил от него позитивный и обстоятельный ответ. Электронное письмо Я.И. Гилинского Б.З. Докторову от 9 января 2005 г., начинавшийся словами: «Конечно, ты задел меня за живое. Я сам давно думаю об истории натворенного нами и лично мною» [2]. Работа продвигалась стремительно, иногда в режиме прямого диалога. В конце февраля интервью было завершено и сразу опубликовано [6]. В том же номере журнала печаталась подборка материалов об умершем в 1990 г. московском исследователе общественного мнения Я.С. Капелюше [7]. Эта публикация продолжала освещение истории исследований общественного мнения в СССР, но одновременно она показывала, что содержание рубрики не сводится к публикации интервью.

Становилось ясным, что исторический проект набирает силу; необходимо было продумать алгоритм дальнейшей работы. При поддержке Илле было решено попытаться давать информацию на эту тему в каждом выпуске журнала, но решить эту задачу казалось очень сложно. Помог В.А. Ядов: в начале 2005 г. на мое предложение «поговорить о его жизни» я получил в ответ: «...благодарю за стимул осмыслить жизнь. Я был увлечен этим и, как мог, откладывал текущее. Спасибо. Жду твои замечания и советы. Many thanks» Электронное письмо В.А. Ядова Б.З. Докторову в интервале от 24 января до 10 апреля 2005 г.. Работали мы споро, текст быстро рос. В результате интервью с Ядовым было опубликовано в двух последующих номерах журнала [8], [9].

Дальше – проще: сложилась практика параллельного опроса двух-трех респондентов, и появилась возможность не торопить каждого, а форсировать лишь то интервью, которое было ближе других к завершению. К концу 2009 г., т.е за первые пять лет работы, было опубликовано свыше трех десятков интервью, несколько биографических и более 20 методолого-методических статей; общий объем публикаций — порядка 85-90 печатных листов.

Все публиковавшееся размещалось на сайтах соответствующих изданий. В 2005 г. возник онлайн-американо-российский проект «Международная биографическая инициатива», который концентрируется на истории российской социологии постхрущевского периода и методологии биографического метода [10]. Сайт создан и поддерживается бывшим ленинградцем, профессором социологии Университета штата Невада в Лас-Вегасе Дмитрием Шалиным и мною. Таким образом, проект, зародившийся на страницах «Телескопа», получил определенное международное развитие.

И когда уже было проведено множество интервью, опубликована серия статей историко-методологической направленности пришло осознание необходимости целенаправленного анализа собранной информации и суммирования предварительных построений и выводов. Кроме того, я считал необходимым собрать вместе и опубликовать тексты всех проведенных интервью, ранее разбросанных в разных журналах.

Но лишь сказка быстро сказывается, дело долго делается. Возможность реализовать давно возникший замысел позволили два обстоятельства. В 2010 году Б.М. Фирсов задумал основательно дополнить и переиздать свою книгу по истории советской социологии [11] и предложил мне написать книгу по результатам моих историко-биографических исследований. Я сразу решил воспользоваться этим предложением, и работа началась. Весной 2011 года, когда значительная часть рукописи уже была готова, но

подготовка ее к печати еще не началась, Ф.Э. Шереги поддержал мое намерение подготовить онлайн-книгу, включающую в себя все интервью с социологами. В ноябре того года такая книга, содержащая 40 интервью, была размещена на сайте, возглавляемого им Центром социального прогнозирования и маркетинга, а в первые дни 2012 года было выпущено второе ее издание, в которое были включены уже 44 электронные беседы с российскими социологами [12].

Одновременно в конце лета 2011 года было решено не ограничиваться сетевой публикацией коллекции интервью, но готовить для выпуска на дискете 3-томник, объединяющий в себе и эмпирическую информацию (тексты интервью), и результаты ее анализа. Теперь – о структуре этого издания.

Том 1 – «Биографии и история» - является методологическим введением ко всему проекту, и одновременно в нем представлены теоретико-эмпирические выводы проведенного исследования. Многие проблемы историко-научного плана, рассматриваемые здесь, насколько мне известно, ранее не обсуждались российскими авторами прежде всего потому, что никто не стремился к столь плотному, обстоятельному, манифестируемому использованию биографической информации при изучении истории отечественной социологии. К тому же никто из специалистов, разрабатывающих проблемы истории современной российской социологии, не обладал столь объемным и многоплановым массивом биографических интервью с социологами разных поколений, как созданный и представленный в настоящей книге. Замечу, биографическая информация по своей природе не может быть лишь объектом анализа, она постоянно посылает аналитикам импульсы, уточняющие их поиски. Она, с одной стороны, расширяет поле исследований, с другой – ставит предупреждающие и даже запрещающие знаки на некоторых направлениях, которые историк, биограф хотел бы прозондировать. В частности, это определяется тем, что изучается не отдаленное прошлое, свидетелей которого уже давно нет. Но прошлое, которое по меркам истории, - настоящее, и многие, наблюдавшие его и рассказавшие о нем, живы и продолжают активно работать.

Центральным и по объему, и по значению, мне кажется, является Том 2 «Беседы с социологами четырех поколений», это – тексты 44 биографических интервью, проведенных мною в 2005-2011 годах. Структура настоящего тома – проста: интервью сгруппированы по поколениям и внутри каждой возрастной когорты расположены по алфавиту.

Поясню, почему я считаю именно этот элемент 3-томника важнейшим. Прежде всего потому, что информация, содержащаяся в интервью, – первична, с годами ее ценность для понимания истории российской социологии второй половины XX века и начала нынешнего будет возрастать. Она может и будет добавляться и уточняться будущими историками, но она не может не учитываться ими при освещении прошлого, которое через несколько десятилетий или даже раньше будет представляться им далеким. Далее, в ходе проведенного анализа я смог описать лишь тонкий, поверхностный слой имеющегося массива биографий, и углубление в него может оказаться весьма полезным для понимания процессов становления и развития социологии в стране. В таком огромном «поле» один – не воин, мне хотелось бы, чтобы к собранным данным обратилось бы как много больше уже сложившихся и начинающих специалистов. Совместными усилиями можно многое сделать. Третье, отмечу, что чтение интервью, размышления о жизни социологов, поделившихся своими наблюдениями, воспоминаниями, может породить у читателей интерес к прошлому нашей науки, подтолкнуть их к самостоятельным историко-научным поискам. Наконец, в совокупности все эти интервью – ценнейший материал для социокультурных исследований о жизни советской интеллигенции, ученых.

Название тома 3 – «Биографическое и автобиографическое» в полной мере отражает его содержание. Во-первых, в нем собраны мои статьи о творчестве и жизни нескольких социологов разных поколений: Андрее Алексееве, Геннадии Батыгине, Валерии Голофасте, Борисе Грушине, Якове Капелюше, Юрии Леваде, Владимире Ядове и представлены фрагменты переписки с Игорем Коном. Выбор этих ученых для «написания их портретов» обусловлен одним обстоятельством: мне близко их творчество и многое понятно в их поведении. К тому же, в опоре на объективные научные критерии можно утверждать, что этими людьми сделано немало для развития российской социологии. Во-вторых, в этот том включены четыре долгие откровенные беседы с Владимиром Ядовым и Борисом Фирсовым, учеными и личностями, наиболее повлиявшими на характер моих научных интересов. «Разговоры через океан» раскрывают процесс формирования многих концепций и нравственных установок настоящего историко-социологического проекта. Названные четыре «электронные беседы» показывают, насколько в жизни исследователей переплетены, в какой мере неразделимы «производственное» и «внепроизводственное», или, скажем, личное. Завершают книгу

материалы, объясняющие, как я шел к разработке историко-биографической тематики и что удерживает меня в ней свыше десяти лет. Сначала идут два интервью, в которых я выступаю как респондент, а затем - короткое автобиографическое эссе о моей американской жизни.

Конечно, готовя все эти материалы для настоящего издания, я испытывал желание немного доработать тексты, развить высказанные в них положения и выводы, добавить новый материал. Но, как и при работе над первыми томами, я старался воздерживаться от подобного вмешательства в написанное ранее. Ибо знаю, насколько велик соблазн улучшить портрет тех, о ком писал. И тем более – автопортрет.

В апреле 2012 г. в Москве, в Институте социологии РАН состоялась презентация указанного 3-томника, представленного не только в Интернете, но и в форме диска CD. Вот информация об этом онлайн-проекте:

ОНЛАЙН-ПРОЕКТ

Настоящее электронное издание «Современная российская социология: Историко-биографические поиски» подготовлено [Центром социального прогнозирования и маркетинга](http://www.socioprognoz.ru), уже многие годы поддерживающим [исследования по истории российской социологии](http://www.socioprognoz.ru) на всех этапах ее развития. В частности, сказанное относится к историко-научно-исследовательскому проекту: «Биографические интервью с коллегами-социологами». Это – начатая в 2005 году серия обстоятельных интервью, проводимых Б.З. Докторовым с российскими социологами разных поколений.

Осенью 2011 года коллекция из 40 интервью была оформлена в виде книги: **Докторов Б.З. Биографические интервью с коллегами-социологами [электронный ресурс] / Ред.-сост. А.Н. Алексеев. М.: ЦСПИМ. 2011** (см. <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=183>). В январе 2012 было подготовлено второе издание этой работы (см. <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=195>), в которую вошли 44 биографические беседы.

На этом программа проекта не завершается, планируются и следующие издания «Биографических интервью с коллегами-социологами»

Со своей стороны, горячо поздравляю Бориса Докторова с исполнением этого монументального труда и призываю все коллег ознакомиться с ним:

<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=237> ;
http://www.socioprognoz.ru/files/el/hta_CD/htm/menu.htm

4. Романы самостояния - семейные хроники Эрлены Лурье

Не знаю, как у кого, а у меня растет круг любимых книг, являющих собой образцы документальной, автобиографической прозы, рассказы о жизни, поднимающиеся до высот как художественной литературы, так и историко-биографического исследования. Некоторых из этих авторов я уже представлял на страницах нашего Форума. Среди них как мои давние, близкие друзья, так и «далекие звезды»: Тамара Петкевич, Лилианна Лунгина, Анатолий Солипатров, Анри Кетегат, Эрлена Лурье. (А до скольких прекрасных автобиографических произведений еще не дошли руки!).

...С Эрленой Васильевной Лурье мне посчастливилось лично познакомиться совсем недавно. Угадывая друг в друге «родственную душу», я подарил ей наш с Романом Ленчовским 4-томник «Профессия – социолог...», а она мне - свой 2-томник («Дальний архив» и «Такая разная жизнь...»).

Через несколько дней я получил от Э.В. письмо, которым весьма дорожу:

Андрей Николаевич!

<...> Когда пришел Ваш текст (*письмо*. – А. А.) , я <...> прочла практически уже весь второй том (менее внимательно 6-ю главу). И возмущалась, и удивлялась, и восхищалась, даже хохотала (когда читала про Г. и его истерику) -- действительно,

драматическая социология!

Кстати, на днях показывали (по ТВ. – А. А.) «Человека в футляре». Смотрела и думала о том, что ведь это абсолютный слепок с нашего общества. Уже нет этой давящей на всех фигуры, но тут же возникают другие такие же, разве что одеты не так мрачно, «имидж другой», а так -- все то же самое. Гениальный Чехов! А Шварц с его «Драконом»? Просто страшно, что даже при изменении внешних условий психология человеческая остается, и процент благородства в нашем обществе никак не прибавляется -- наоборот... Можно только преклоняться перед людьми, которые пытаются всему этому противостоять.

<...> Поняла про себя, что интуитивно использовала Ваш метод «включенного наблюдения», отстраняясь от действительности с помощью переключивания эмоций в стихи или тексты - я ведь стихи стала писать в 40 лет именно в стрессовой ситуации - в моих книжках это все расписано. Впрочем, это все-таки не совсем то. Или даже совсем не то.

Мой муж удивлялся, что я так прилипла к Вашей книге (у нас с ним какая-то часть литературы совершенно разная), но мне читать Вас было по-настоящему интересно, и очень часто хотелось сказать про наши виртуальные пересечения. Начиная с Рэма Баранцева - у меня на столе его «Вешки интереса»; если Вы уже залезали в мой «Дальний архив», то могли заметить, что я, хотя и на другом уровне и не столь глобально, но тоже всю жизнь болела «цитатной болезнью», так что все свои эпиграфы извлекала из своих старых записных книжек. Именно по этому поводу подарила мне книгу Баранцева его сокурсница по университету – «подруга моей подруги» <...>.

Есть на моей (именно на моей) полке и «Собирание себя» Померанца, есть цитата в «Дальнем архиве» из Ухтомского (по поводу Бетховена) и цитата из Гумилева, которую Вы тоже приводите, но мне уже не найти - где именно. «В каждой луже - запах океана, / В каждом камне - веянье пустынь» - эти строчки я выписала 16 января 1956 года, еще совсем ничего про Гумилева не зная - страница 297 «Дальнего архива». <...>

Это я к тому, что мы с Вами, видимо, в чем-то психологически похожи.

Впрочем, теперь мне кажется, что мой «Дальний архив» написан вполне в соответствии с вашими социологическими установками: документы, наблюдения, и даже - пусть и через многие годы - рефлексии. Я надеюсь, что когда Вы до него доберетесь - возможно, летом в отпуске - то потом что-нибудь мне про это расскажете.

<...> Ну, все, кончаю. Спасибо Вам!..

А вот мой ответ:

Дорогая / уважаемая Эрлена!

(Я привык обходиться без отчества; буду признателен за взаимность).

Случилось так, что и мне не пришлось откладывать в долгий ящик Ваши «Дальний архив» и «Такую разную жизнь...». То и другое (кстати сказать, в порядке обратном хронологическому) я читал в апреле, коротая время в Боткинской больнице, по поводу двухсторонней пневмонии. И уж всяко не пожалел о таком стечении обстоятельств.

Мы с Вами и впрямь, наверное, относимся к одному психосоциальному типу, во всяком случае - за 80 без малого лет пришли к более-менее сходным жизненным итогам и смыслам. Пути, разумеется, были разными. Тем интереснее отмеченные Вами резонансы.

Итак:

= Эрлена Лурье. Дальний архив. 1922-1959. Семейная история в документах, дневниках, письмах. СПб.: Нестор-история, 2007. - 548 с.

= Эрлена Лурье. Такая разная жизнь... Хроника семейных событий. 1959-2009. СПб.: Алетейя, 2011. - 496 с.

Книги Ваши мне оказались интересны и близки не только благодаря классическому воплощению в них разрабатывавшейся мною последние 10-15 лет методологии и этики «социологии жизненного пути» («эстафета памяти» - ресурсы, нормы и эффекты автобиографического повествования и проч.), но и, особенно, общей стратегией жизни героя-автора, которую он (т. е. Вы) сумел сформировать из собственных личностных предпосылок и предлагаемых, в сущности, трагических обстоятельств первой четверти жизни.

Вроде блаженному Августину принадлежит высказывание: «Все, что случается с человеком, похоже на него самого». Вот и Вы такая. И именно Вас должны были вдохновлять Пришвин, Р. Роллан, Р. Кент и Бетховен. И не случайно разнообразие последовательных жизненных и творческих увлечений на протяжении жизни (будь то стихотворчество, байдарочные походы или оригинальная художественная игрушка).

Я не стану спорить с Я. Гординым, усмотревшим в Вас талант летописца, но думаю

все же, что самым ценным в Ваших книгах оказалась летопись собственной жизни и души (разумеется, на фоне советской и постсоветской истории), оказавшаяся возможной: а) благодаря счастливо сбереженным дневникам и письмам, никак не предназначавшимся Вами в свое время для <<исторических>> целей; б) благодаря собственной богатой гуманитарной одаренности, ныне ставящей Вашу автобиографическую прозу в высоко-профессиональный писательский ряд.

В Ваших двух прозаических книгах, столь же беспретенциозных и, казалось бы, бесхитростных, как и Ваши стихи, можно усмотреть благородные начала и «романа воспитания», и «романа дружества» (в экстремальном сообществе туберкулезных больных, где каждый - на грани жизни и смерти), и «романа любви» (спасибо Феликсу), и «романа само-осуществления». Я бы употребил обобщающее: «роман само-стояния» (САМОСТОЯНИЕ - выражение А. Пушкина; своего рода аналог бетховенскому «человек, помоги себе сам!»).

Между прочим, существенное различие моих и Ваших «летописей» в том, что я, как правило, не выхожу за рамки публично-институциональной сферы отношений человека и мира; Вы же – «плаваете» как хотите в межличностной и исповедальной сфере, где так легко «пустить петуха», чего Вам удается избежать, пройдя по «лезвию бритвы» меры и такта.

Можно бы усмотреть в вашей семейной хронике – «учебник жизни», но в том-то и дело, что не учебник вовсе, а - цитируя, вслед за Вами, любимого Вами М. Пришвина: «Я никого учить не хочу, я поведал Вам свою боль и радость, а Вы делаете с ними что хотите».

Итак, в обсуждении Вашего творчества я как бы отодвигаю на второй план то, как это (оригинально и мастерски) сделано, а выпячиваю <<смысложизненную составляющую>>: ПОЧЕМУ И ЗАЧЕМ. И в этом вижу главную ценность Вашей автобиографической и документальной прозы.

<...> Ну, пока все. Поклон - Феликсу. Вам обоим - от Зины. Ваш ...

Поистине нет возрастного предела для открытия и обретения новых друзей!

5. Навстречу очередному Четвертому всероссийскому социологическому конгрессу (г. Уфа, октябрь 2012)

И последнее. Ранее мне приходилось сообщать о состоявшемся в феврале 2012 г. в Москве внеочередном «Четвертом Всероссийском социологическом конгрессе» на тему «Социология в системе научного управления общества» (среди организаторов этого мероприятия были академики Г. Осипов, В. Жуков и М. Горшков), а также о ходе подготовки **очередного Четвертого всероссийского социологического конгресса (г. Уфа, 23-25 октября 2012 г.) «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие», организуемого Российским обществом социологов (РОС).**

Вся информация о предстоящем конгрессе ОВСК-IV, его структуре, программе, календарном плане подготовки и т. п. содержится [на сайте РОС](#). См. особенно [«Новости конгресса»](#).

16 апреля 2012 г. была опубликована [предварительная программа 4-го всероссийского социологического конгресса](#), а с 23 апреля открыта [регистрация статей на Очередной IV Всероссийский социологический конгресс](#).

Ознакомиться с требованиями к оформлению статей, порядком уплаты организационного взноса, а также заполнить регистрационную форму участника ОВСК-IV можно [здесь](#).

В соответствии с [календарным планом подготовки Конгресса](#), дед-лайн приема статей и регистрации персональных участников - **10 июня 2012 г.**

О тематике ОВСК-IV можно судить из [структуры его подразделений](#):

ЧЕТВЕРТЫЙ ОЧЕРЕДНОЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС
«СОЦИОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО: ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ».

Уфа, октябрь 2012 г.

СТРУКТУРА ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ КОНГРЕССА

Сессии

1. Общества и теории: отражения, отторжения и притяжения
2. Подсессии 14-х Харчевских чтений «Социологическое знание: состояние, критический анализ, пути повышения качества»
3. Социальные коммуникации в турбулентные времена: новые смыслы, новые формы
4. Социологический провинциализм: новые вызовы и реальность
5. Специальная сессия - конференция ВСК-4: «Модернизация как глобальный вызов и ее проблемы в социокультурных портретах регионов России»
6. Вызовы городского и регионального развития: диагностика проблем и технологии решений
7. Назревшие реформы вертикали власти и управления: общероссийские тенденции и региональная специфика»
8. Социология глобальных процессов, социальные трансформации и социология развития
9. Медиа в глокальном дискурсе
10. Молодежь и образование на пост-коммунистическом пространстве
11. Шестые социологические чтения памяти В.Б. Голофаства: «Социология вчера, сегодня, завтра: социология и мир труда - 50-летие исследования ленинградских социологов «Человек и его работа»
12. Кризис традиционных методов исследования общественного мнения
13. Сообщество профессиональных социологов: Российская социология сегодня

Секции

1. Социология девиантности и социального контроля: «Девиантность и социальный контроль в эпоху постмодерна»
2. Этносоциология
3. Динамика гендерных отношений в регионах России
4. Математическая социология
5. Социология образа жизни: проблемы и перспективы
6. Методология, проблемы и опыт исследования профессий и профессиональных групп
7. Трансформация института семьи и родительства в России
8. Социология детства
9. Социология науки и технологий
10. Проблемы регионального развития в средствах массовой коммуникации
11. Социология медицины
12. Социология политики (стримы)
13. Социология здоровья и здравоохранения
14. Ситуационный анализ трудовых отношений и условий труда на предприятии: методология, методы и инструменты (трехчасовое заседание)
15. Социология религии: традиционное и новое в религиозной жизни общества
16. Социология права
17. Социология села
18. Социология конфликта
19. Социология права и правоохранительной деятельности
20. Социология городского и регионального развития – «Управление и самоуправление в городах и регионах: межотраслевое знание и социология»
21. Основные тенденции и факторы демографических процессов в России и ее регионах
22. Социология молодежи
23. Социология образования, включающая несколько сессий (до 6) и Круглый стол «Актуальные проблемы российского образования»
24. «Социология предпринимательства в России»
25. Региональная высшая школа в новых социальных реалиях
26. Российская глубинка между тупиком и модернизацией

27. Социология политики региональной
28. Социология туризма – современное состояние и перспективы развития (с предложением турпродукта)
29. Социология туризма
30. Социология медицины, физической культуры и спорта
31. Социология окружающей среды: глобальные тренды и региональные особенности
32. Социология власти
33. Социология финансового поведения населения
34. Социология организации и управления: результаты и перспективы фундаментальных и прикладных исследований проблем регионального развития
35. Актуальные проблемы экосоциологии и современной социальной экологии
36. Социальная трансформация в процессе трансформации современного общества

Круглые столы

1. Социокультурные процессы в северных территориях России
2. Темпорализм (проблема времени) социологии: социальное время, время поколения, жизненный путь, время биографии
3. Власть Знания и общественные интересы
От Лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ (ЛССИ):
4. ЛССИ - Социальное благополучие и счастье
5. ЛССИ – Толерантность и миграция
6. ЛССИ – Доверие, коррупция и социальная солидарность
7. ЛССИ – Национализм
8. Региональный мониторинг: анализ «Арабской весны»
9. Проблемы преподавания будущим социологам методных дисциплин
10. Социологическое обеспечение региональной молодежной политики
11. Социальный контроль в условиях глобальных вызовов современности
12. Социальная справедливость: горизонты модельных решений
13. Социологические аспекты производства и потребления в сфере услуг
14. Предложение Р.М. Валиахметова и Б.Шайхисламова
 - 1) Высшая школа в новых социальных реалиях
 - 2) Становление предпринимательского сообщества как части гражданского общества в России
15. XII Дризевские чтения «Экоантропоцентрическая социология и социально обоснованное градостроительство»

Напомню еще про имевшую место в конце 2011 – начале 2012 г. попытку академиков Г. Осипова, В. Жукова и М. Горшкова «заместить» Российское общество социологов - в качестве легитимного представителя российской социологии на международной арене - вновь организованной бутафорской Социологической ассоциацией России (САР). По крайней мере, на данный момент эта скандальная попытка окончилась неудачей. А именно:

- на предостерегающее в этой связи [Открытое письмо Президенту Российской академии наук Ю.С. Осипову](#) от 21.11.2011, за подписью президента Российского общества социологов, доктора философских наук, профессора В.А. Мансурова, президента Сообщества профессиональных социологов, доктора социологических наук, члена Исполкома Международной социологической ассоциации (МСА), профессора Н.Е.Покровского, экс-президента Советской социологической ассоциации, академика РАН Т.И.Заславской, президента-организатора РОС, члена-корреспондента РАН Н.И.Лапина, экс-президента РОС, доктора философских наук, профессора В.А.Ядова, к которому (письму) присоединились еще около ста российских социологов, - последовал официальный [ответ Вице-президента РАН А.Д. Некипелова от 5.03.2012](#), заверяющий, что предпринятый Отделением общественных наук и Президиумом РАН шаг – одобрение создания новой социологической ассоциации - «...по общему убеждению... не направлен против существующих объединений социологов».

Этими бы устами да мед пить! Но и не без лукавства этот «утешительный» ответ с академического «Олимпа», однако.

Так или иначе, энергичные действия ведущих российских социологов, в том числе - статья В. А. Ядова, опубликованная на страницах газеты [«Троицкий вариант. Наука» \(2011, 6 декабря, № 93\)](#), не остались без позитивных последствий. Что отрадно.

В заключение, еще раз отмечу, что материалы МБИ-форума «Биографика, социология и история» представлены на сайте «Международная биографическая инициатива. Там они умещаются в нескольких файлах (сетевые ссылки см. выше)..

Но по опыту знаю, что иногда удобнее пользоваться одним сводным файлом, включающим – последовательно – все тексты Форума. Такой сводный файл я Вам посылаю. См. под скрепкой.

Ваш - Андрей Алексеев. 27.04.2012.

**

Включение 140. А. Алексеев - Б. Докторову, Л. Козловой, Н. Деминой

5.05.2012

Дорогие друзья!

Обнаружив на Полит.ру [интервью с социологом Борисом Докторовым](#), взятое коллегой Ларисой Козловой, по поводу выхода в свет его трехтомника «Современная российская социология. Историко-биографические поиски», хочу еще раз поздравить самого Бориса, всех явных и скрытых соучастников этого интервью, а также всех нас – с этим событием.

Оно является: а) замечательным прецедентом – не только в российской, но и в мировой социологии; б) действительно ярчайшим (притом что инновационным!) образцом *биографоцентричного* подхода к освоению и / или построению истории конкретной науки (в отличие от привычных институционального, структурного и идейно-генетического подходов, которые биографоцентричный существенно дополняет; в) ключом к представлению о науке и ее истории как некоем «социальном теле» и людском сообществе – сообществе творцов и деятелей, со своей внутренней структурой, логикой развития, рабочей рутинной и «звездными часами»; г) как справедливо отмечает Б. Д., «рассказы столь большой группы социологов о своей жизни, о пережитом» — это есть также имеющий шанс на массовое востребование «материал для понимания истории нашего общества, начиная с конца 1920-х и до наших дней».

Вот такое многозначное и поливалентное событие.

Я сейчас адресуюсь к Вам троим постольку, поскольку усматриваю в Вас триаду Автора, Собеседника и Издателя, без которой событие данного интервью (а ведь тоже Событие!) было бы невозможно. Спасибо!

Андрей Алексеев. 5.05.2012.

(Копию интервью см. ниже)

**

Включение 141.

5.05.2012

http://www.polit.ru/article/2012/05/05/doktorov_kozlova

От биографий - к истории

Интервью с социологом Борисом Докторовым

05 мая 2012, 09:37

Сюжет → [Социология в России](#)

Поделиться →

 [Версия для печати](#)

*6 апреля 2012 года наш постоянный автор, доктор философских наук, профессор **Борис Докторов** презентовал в Институте социологии РАН свой трехтомник под названием [«Современная российская социология. Историко-биографический поиск»](#). Издание, насчитывающее более 2000 страниц, подготовлено [Центром социального прогнозирования и маркетинга \(ЦСПиМ\)](#) и выпущено на диске. Оно сразу было выложено в Интернете и стало доступным для всех желающих.*

*На сегодняшний момент историко-биографическое исследование Докторова – самое обширное и информативное, написанное на эту тему. Вопросы об этой работе ему задает его коллега **Лариса Козлова**, зав. сектором социологии науки Института социологии РАН и зам. главного редактора «Социологического журнала».*

С 1994 года ты живешь в США. Что послужило причиной твоего обращения к исследованию именно советской/российской социологии? Почему в его основе — биографии социологов?

Первые пять лет американской жизни ушли на освоение нового мира, тогда научная работа казалась, с одной стороны, частью прошлого, с другой – трудно осуществимой мечтой. Потом увлекся историей американских опросов общественного мнения и судьбами людей, положивших начало научному анализу массовых установок. Поскольку до отъезда в Америку я четверть века участвовал в проведении опросов общественного мнения в Ленинграде и СССР, мне показалось важным обратиться к биографиям российских ученых, работающих именно в этой нише социологии. Но вскоре я не стал ограничивать себя и начал проводить биографические интервью с социологами, работающими в разных предметных сферах. А затем постепенно произошел переход от биографий ученых к истории социологии. Но

первичным для меня было и остается не науковедение (история современной

социологии), а человековедение (биографии социологов).

Всё началось во второй половине 2004 года с написания биографии [Бориса Грушина](#) и осознания того, что единственным доступным для меня методом сбора биографической информации является электронная почта. Уникальные условия для работы предоставил мне издатель петербургского социологического журнала «Телескоп» [Михаил Илле](#), он предложил мне вести рубрику по истории современной российской социологии, и в каждом выпуске я стал публиковать результаты завершённых биографических интервью или иной материал по истории нашей науки. Вот уже подряд 60 номеров «Телескопа» открываются текстами указанной рубрики.

Воспользуюсь случаем и поблагодарю тебя: и за публикацию многих интервью в «Социологическом журнале», и за [рассказ о себе](#). Большое значение для развития всего проекта имеет российско-американский сайт «[Международная биографическая инициатива](#)», который уже несколько лет поддерживается профессором университета штата Невада Дмитрием Шалиным и мною. Сегодня — это полнейшее в Интернете собрание интервью с российскими / советскими социологами и статей по методологии историко-биографических исследований.

Попрошу тебя рассказать, как шла работа над трехтомником, какова его структура...

Не могу сказать, что незаметно, но к концу 2010 года было проведено свыше сорока интервью с российскими социологами разных поколений. Хотя интервью публиковались вскоре после их завершения, у меня было желание, собрать все «до кучи» и разместить в виде книги в сети. Возможно, до сих пор все оставалось бы на уровне мечты, но год назад [Андрей Алексеев](#), ничего не говоря мне, собрал все тексты, предоставив мне лишь дополнить эту коллекцию теми интервью, которых у него не оказалось под рукой. [Франц Шереги](#), руководитель ЦСПиМ поддержал эту затею, и в сотрудничестве с мастером на все руки Еленой Григорьевой осенью прошлого года на сайте этой организации была размещена электронная книга «[Биографические интервью с коллегами-социологами](#)». В начале этого года она вышла вторым изданием.

Одновременно с подготовкой указанного электронного ресурса я работал над «бумажной» книгой, в которой описана методология моих историко-биографических изысканий и анализируется содержание проведенных интервью. Инициатором этой монографии является [Борис Фирсов](#), решивший издать под эгидой Европейского университета в Санкт-Петербурге дополненный вариант своей книги по истории советской социологии 1950-х – 1980-х годов и мои наработки. Тогда же у меня и возникла идея объединить написанное ранее и недавно и издать под «общими корочками». Опять пришла помощь от Шереги: он предложил издать книгу на диске и одновременно разместить ее в Интернете. В организационном отношении оказалось удобнее делать трехтомник.

Не только самым «толстым» (свыше 1300 страниц), но и наиболее информативным и оригинальным я считаю [Том 2](#), это — 44 интервью с социологами четырех поколений. Все они начинали свою научную деятельность в советские годы и активно работают в наше время. Мне представляется, что в будущем никто из историков отечественной социологии не сможет писать о полувековом периоде ее становления, «отмахнувшись» от рассказов этих очевидцев. В них не только события, факты, оценки происшедшего, но и атмосфера, дух времени.

[Том 3](#), прежде всего, включает в себя мои биографические очерки о социологах, чьи исследования и гражданские позиции мне близки; отмечу хотя бы некоторые имена: [Геннадий Батыгин](#), [Валерий Голофаст](#), [Игорь Кон](#), [Юрий Левада](#), [Владимир Ядов](#). Кроме того, здесь же мои долгие «беседы через Океан» с [Фирсовым](#) и [Ядовым](#) о логике и технологии историко-биографического анализа; наконец, [рассказ о моем собственном](#) пути в социологию и обстоятельствах, которые обусловили мои исторические поиски. [Том 1](#), как уже можно было понять, содержит обоснование методологии исследования, описание использованного инструментария и первые выводы проведенного анализа. **Вкратце охарактеризуй, пожалуйста, использованные методологические принципы работы? Удалось ли осуществить какие-то парадигматические новации в исследуемой области?**

Главный принцип — доверие людям, рассказывающим о себе и о своей деятельности.

Отсюда — возможность, правомерность перехода от личностной, биографической информации к построениям историко-научного плана.

Парадигматическую новацию работы я вижу в использовании и обосновании *биографоцентричного подхода* к изучению истории социологии. В этом термине одновременно отражено то обстоятельство, что воспоминания социологов становятся главным источником эмпирической информации исследования и что они же — база для формирования исследовательских гипотез и инструмент проверки этих научных допущений. Биографоцентричный подход не противопоставляется *институциональному*, но дополняет его; и — аналогично — институциональный взгляд на историю дополняет, достраивает биографоцентричный анализ прошлого.

В рамках институционального подхода важнейшими объектами изучения истории являются: наука (социология) как социальный институт, формальные исследовательские и образовательные структуры (сектора, отделы, лаборатории, кафедры и т.д.), наконец, ученый как профессионал. В биографоцентричном подходе главным объектом изучения, центральным элементом исследовательской матрицы является ученый в неразрывном единении профессиональных и личностных атрибутов.

Какие тематические направления, или темы, сюжеты, ты мог бы выделить? Какие темы и их раскрытие, на твой взгляд, принесли наибольшее удовлетворение?

Отвечу сразу на оба вопроса.

Первый сюжет касается *проблемы генезиса* современного этапа отечественной социологии. Отмечу, что никто из представителей первой возрастной когорты не называл имен русских дореволюционных социологов, теоретические построения которых имели важное значение в их собственных разработках. Принимая во внимание и ряд других соображений политико-идеологического и собственно научного плана, был сделан вывод о том, что

на рубеже 1950-х – 1960-х гг. произошло не возрождение российской социологии, а ее второе рождение.

В принципе к подобному историко-научному выводу можно было бы прийти и в рамках институциональной трактовки прошлого советской / российской социологии, однако без апелляции к мнениям тех, кто стоял у истоков нынешней отечественной социологии, он не выглядел бы столь естественным.

Второй сюжет — сквозной, пронизывающий всё исследование. Комплекс различных обстоятельств подвел меня к необходимости стратификации социологического сообщества, учитывающей тот факт, что, с одной стороны, оно — главная сила созидания социологии, с другой — является производной от состояния социологии. Исходно возникшая задача воспринималась мною лишь как *технологическая*, нужен был «инструмент», позволяющий переходить от *биографий социологов* к *истории социологии*. Так начало складываться представление о *профессиональных* поколениях и затем начался поиск правил поколенческой стратификации.

Всё это завершилось созданием *лестницы поколений с двенадцатилетними* «ступенями». Постепенно концепция поколений социологов, исходно рассматривавшаяся как технологический прием «сжатия» эмпирической информации, стала играть ведущую роль в определении методологии анализа жизненных историй социологов. Именно поколенческая стратификация российского социологического сообщества задает *логический каркас* всей схемы проведенного анализа первичной информации.

Расскажи немного о географии проведенных интервью. Можно ли считать выборку надежной для описания ключевых сюжетов советской/российской социологии периода 1960-2010-х гг.?

Преобладающая часть моих собеседников в момент проведения интервью работала в Москве и Петербурге, но есть социологи из Новосибирска, Тюмени, Иванова, Тарту. Замечу, что ряд респондентов, до переезда в одну из столиц страны, долгие годы работал в других городах: [Татьяна Заславская](#) и [Давид Константиновский](#) — в Новосибирске, [Жан Тощенко](#) — в Красноярске, [Будимир Тукумцев](#) — в Самаре, [Владимир Ильин](#) — в Сыктывкаре. Так что география опроса достаточно широка.

Наверное, существует заметный московско-петербургско/ленинградский «перекос» моей выборки. Однако здесь нельзя говорить о репрезентативности выборки исключительно в пространственно-статистическом смысле. Следует помнить, что именно в Москве и (тогда) Ленинграде формировались и проводили исследования научные коллективы, определившие лицо отечественной социологии, в этих городах были изданы почти все наиболее известные социологические книги, в них стали работать первые советы по защитах кандидатских и докторских диссертаций.

Подводя итог, мог бы ты определить, что этим проектом сделано в плане изучения новейшей истории российской социологии? Планируешь ли ты продолжить работу по этой тематике?

Настоящий период изучения истории новейшей российской социологии — в значительной мере — «вопрошающий», т.е. период, когда очерчивается поле будущих разработок. На мой взгляд, ряд подобных вопросов мною был сформулирован и ответы, пусть в первом приближении, даны.

Что касается продолжения работы по обсуждаемой тематике, то здесь все ясно. Она меня еще долго не отпустит...

И последний вопрос. Сейчас трехтомник доступен в Интернете. Кто и для каких целей его мог бы использовать, кроме историков социологии?

Кроме историков социологии — собственно социологи. Думаю, что

каждый настоящий специалист должен знать историю собственной науки, биографии своих учителей, коллег.

Но хотелось бы, чтобы книга быстрее дошла до студентов, будущих социологов. В моих нечастых контактах с ними я замечаю опасную для развития нашей науки тенденцию. Многие из студентов и молодых социологов полагают, что советский период социологии был малопродуктивным, и его можно не знать. На мой взгляд, ощущение «пустоты» позади себя не дает достаточной уверенности для движения вперед.

Упомяну еще одно обстоятельство. Рассказы столь большой группы социологов о своей жизни, о пережитом — это ценнейший материал для понимания истории нашего общества, начиная с конца 1920-х и до наших дней. Это может интересовать очень многих.

Большое спасибо за ответы!

Включение 142. А. Алексеев - Э. Беляеву, Л. Борусяк, Б. Вульфовичу, А. Готлиб, Е. Григорьевой, Б. Докторову, М. Илле, Л. Козловой, Р. Ленчовскому, Н. Мазлумяновой, О. Маховской, В. Семеновой, Б. Фирсову, Д. Шалину, Ф. Шереги, В. Шляпентоху, В. Ядову; Р. Баранцеву, Ю. Беспаловой, О. Божкову, Н. Дадали, Н. Деминой, К. Дивисенко, В. Дмитриевскому, В. Ильину, А. Кетегату, Н. Корневу, М. Мацкевич, К. Пигрову, Т. Протасенко, И. Ронкиной, О. Старовойтовой, Л. Столовичу, О. Тиховской, Г. Тульчинскому, М. Филипповой, И. Флиге, Н. Цветаевой, И. Яковлевой; и др. коллегам

17.05.2012

Уважаемые коллеги!

Сообщаю, что сайт «Международная биографическая инициатива» недавно пополнился еще одним, довольно крупным (около 500 стр.) произведением «оригинального жанра»:

А. Алексеев, Б. Докторов. В поисках Адресата (Переписка двоих с постепенным расширением круга тем и участников. Февраль – октябрь 2006 г.). - http://cdclv.unlv.edu/archives/correspondence/aa_bd_letters.pdf.

Из Предисловия:

«Эта книга написана нечаянно. В 2006 г. один из ее авторов – А. Алексеев – еще не освоив электронной почты и Интернета, откликнулся на призыв своего коллеги и многолетнего друга, «российского американца» Б. Докторова – вступить в электронное общение по поводу автобиографического интервью on line.

Беседа разворачивалась неторопливо содержательно, однако стремительно технологически и затронула множество разнообразных тем, кроме биографической. Здесь - и методология и методика истории новейшей российской социологии «с человеческим лицом», и текущие «подробности жизни» обоих корреспондентов, и анатомия одного судебного процесса, в который один из корреспондентов (А. А.) оказался в то время вовлечен, и размышления о «драматической социологии»; и все это на фоне зарождения и развертывания уникального сетевого проекта – сайта «Международная биографическая инициатива» (его создатели – Д. Шалин и Б. Докторов), так что и история названного интернет-ресурса в числе предметов обсуждения.

Роскошь профессионального и личного общения, подкрепленная техническими возможностями Интернета, сохранялась в электронных архивах двоих корреспондентов, и не только их самих, поскольку почти с самого начала в этот эпистолярный обмен оказались вовлечены ближайшие друзья обоих, которые либо выступали техническими посредниками, либо получали копии и иногда на них реагировали. Этот «Ближний круг» постепенно расширялся, как в силу общеинтересности обсуждаемых тем, так и в силу обретения участниками соответствующих технических навыков.

Уже тогда у автора этих строк возникла идея составления своего рода *эпистолярной хроники* (обозначение жанра пришло позднее), которая поначалу стала книгой вовсе не претендовавшей (просто склад писем в хронологической последовательности). Несколько лет этот материал пролежал невостребованным. Правда, некоторые фрагменты настоящей переписки так или иначе использовались обоими авторами (особенно А. Алексеевым) в своих «академических» (и не только!) трудах. Основной же (изначально предполагавшийся) «продукт» совместной работы - автобиографическое интервью А. А. – так и остался незавершенным. Чуть ли не случайно этот материал был обнаружен недавно в электронном архиве автора этих строк, чтобы затем лечь (в качестве отрывка, фрагмента) в книгу А. Алексеева и Р. Ленчовского «Профессия – социолог...» (2010). Однако попутные и побочные продукты этого обмена письмами, и – шире - сам. **ПРОЦЕСС** эпистолярного общения, как таковой, оказались, пожалуй, интереснее и значимее отдельных, частных **РЕЗУЛЬТАТОВ**. И вот его-то и хотелось бы сегодня представить читателю, как некую *само-ценность*, каковой она может оказаться и не только для непосредственных участников, но и, возможно, для тех «посторонних», кто захочет перелистать или даже углубиться в эти страницы.

Замечу, что наряду с собственно перепиской сюда включены (иногда прямо «в теле» письма, а иногда автономно) более или менее целостные и законченные произведения, из которых одни уже опубликованы в тех или иных печатных изданиях и/или размещены в Сети, а иные – до сих пор света не видели (во всех случаях сделаны соответствующие ссылки и оговорки). Такие вставки, а также документальные вкрапления в эпистолярную хронику отражены и в оглавлении. <...>

Ни одно слово в текстах писем не поправлено (кроме заведомых опечаток). Зато немало изъятий (как правило, помеченных <...>) - в основном *технических* (во избежание повторов отдельных фраз или значительных кусков текста, что заурядно в электронной переписке), но также и *содержательных*, если тот или иной автор посчитал нежелательным обнаружение соответствующей части личного письма.

Вместе с тем, некоторые текстовые повторы *намеренно сохранены*, чтобы читатель мог воспринять один и тот же текст как в процессе зарождения – фрагментированным и в контексте личного письма, так и «в готовом виде» - целостно и обособленным, отделенным от других сюжетов. <...>

Таким образом, оказывается возможным <...> проследить процесс трансформации коммуникации *другому* (письмо), имеющей персонального адресата, в коммуникацию *другим* (статья), адресованную анонимной аудитории.

С учетом сказанного, выстроена и структура настоящей работы. Часть 1 – Эпистолярная хроника, как таковая. Часть 2 – Труды обоих корреспондентов, выросшие из этой переписки и / или сопряженные с ней тематически и стилистически. <...>

Хочется думать, что данная работа может заинтересовать читателя как в плане содержания, так и в плане метода.

А. Алексеев. Январь 2011».

А вот из **Послесловия**:

«Началом этой необычной книги послужило мое электронное письмо Андрею Алексееву, отправленное ему 20 февраля 2006 года, точно шесть лет назад. <...> Шесть прошедших или промелькнувших лет дают повод для осмысления той уже давней переписки. Главное: она «ушла в песок», не оставив следа, или дала какие-то всходы? Почему именно этот вопрос я задаю себе, в чем вижу его смысл? Ведь в начале нашей переписки никакие далеко идущие цели не формулировались, она начиналась просто как обмен письмами давно не общавшихся друзей-коллег. С моей стороны то был своего рода отчет о проделанном в последние годы и бытовые зарисовки. Более того, и позже никакие ориентиры, границы обсуждений не обозначались. И поэтому, зачем искать итог переписки, которая к тому же не завершилась, а продолжается?»

В моем понимании эта книга приоткрывает и для ее соавторов, и для тех, кто ее пролистал, особенности процессов возникновения тематики социологических исследований, происхождения понятийных конструкций, поисков стиля, формата, языка социологии. Названная проблематика давно осознана историей и социологией социологии и в разных научных парадигмах предложены подходы к ее решению, но многое все равно требует принципиального прояснения. <...>

Естественно предположить, что активное освоение учеными всего мира электронной почты, а в последние годы – блогосферы породит новые традиции эпистолярной научной коммуникации. Мне не известны работы в этой области, однако легко допустить, что сетевое общение охватывает большое число исследователей и дает огромные возможности для обсуждения разного рода научных проблем. Изучение содержания такой переписки может дать ценную информацию для методологов и историков науки, для познания механизмов научного творчества.

Полагаю, что в советской / российской социологии личное письмо как метод распространения научной (социологической) информации и теоретико-эмпирических обобщений был внесен Андреем Алексеевым в начале 1980-х в его серии «Писем Любимым женщинам». Это были неформальные описания событий, происходивших в жизни рабочего-социолога, его наблюдений, его рефлексия и опыт саморефлексии. Они адресовались <...> социологам и журналистам, которых Алексеев знал многие годы и которые понимали не только написанное, но и то, что он не мог написать, оберегая их и себя. Не случайно по завершении этого цикла он писал: «Мои письма — принадлежат вам. Но все же прошу вас: не выпускайте их за пределы круга ваших *личных* друзей»

В свете сказанного не удивительно, что наша спонтанно начавшаяся переписка практически сразу превратилась, по словам Алексеева, в *эпистолярную хронику*. Так сложилось, что в течении последующих пяти лет весь материал существовал лишь в его компьютере. Вместе с тем можно утверждать, что процесс обмена письмами, а позже и готовившимися для публикации статьями, стал стимулом для развития наших собственных исследований, проводившихся нами независимо друг от друга. <...> Трудно сказать, каково место нашей эпистолярной дискуссии, начавшейся в 2006 году, в том, как далее развивались исследования ее участников. Ведь они проводились нами и до обмена письмами и, можно утверждать, тем или иным образом продолжались бы и далее. Перечитав содержание переписки, я могу сказать, что она прежде всего убедила меня в главном, в перспективности изучения истории отечественной *социологии* в опоре

на воспоминаниях российских *социологов*. Интуитивно, такой переход мне казался возможным и эвристически ценным еще в 2004-2005 годах, к тому же справедливость этого допущения подтверждался накапливавшимся опытом интервьюирования и анализа биографической информации. <...>

Я нахожу в переписке еще ряд методологических проблем, которые спонтанно возникали, но не получили обстоятельного рассмотрения. Теперь я понимаю, чем это было обусловлено. Тот формат переписки, о котором я говорю, во многих своих аспектах является *конспектом размышлений* «здесь и сейчас». Пишущий максимально раскрепощен, не задумывается об обосновании высказываемых положений, о соответствии их утверждениям, которые им формулировались ранее, минимально редактирует себя. Что-то из «проговоренного» затем – иногда сразу, иногда – через какое-то время додумывается и трансформируется в научный текст. Но что-то не запечатлевается в сознании, существует в нем «латентно» и в какой-то момент всплывает и воспринимается как нечто новое. Именно поэтому перечитывая старые записи, ученые нередко обнаруживают в них ростки тех идей, которые – казалось им – пришли к ним недавно. Более того, те старые, забытые формулировки были почти такими же, как те, которые человек нашел «недавно».

Б. Докторов. Февраль 2012».

И еще – из письма Б. Докторову Дм. Шалину (16.05.2012):

«...Это - «эпистолярная хроника» некоторых сторон жизни нашего незримого колледжа в 2006 году (и раньше), хотя тогда мы себя так не идентифицировали... Просматривая сегодня этот труд, я вижу, как начинались многие наши проекты, в том числе – МБИ, как формировалась методология... В тексте много личного, но мы (как сообщество) и это уже перевариваем... Уверен, будем в нашей работе заглядывать в эту хронику...»

Информация

На сайте Центра социального прогнозирования и маркетинга уже несколько месяцев как была вывешена книга:

Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Тт. 1-4. — СПб.: Норма, 2003-2005.

<http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=216>

С удовольствием сообщаю, что мало удобный для восприятия с экрана формат 2-страничных разворотов pdf в этой интернет-публикации ныне сменен на одностраничный формат, чем обеспечивается знакомство с книгой в электронной версии - даже более комфортное, чем при обращении к бумажному изданию.

Ваш - Андр. Алексеев. 17.05.2012

**

Включение 143. А. Алексеев – Б. Докторову, А. Родионовой, М. Мацкевич, Л. Кесельману, Р. Ленчовскому, Р. Баранцеву, О. Новиковской. Копии - М. Филипповой, В. Дмитриевскому, Л. Козловой, Н. Мазлумяновой, Б. Фирсову, В. Ядову

17.05.2012

Дорогие друзья!

В дополнение к информации о [новой публикации на сайте МБИ](#), посылаю вам полный текст эпистолярной хроники «В поисках Адресата (2006)», в силу Вашей тогдашней включенности в эту нашу с Б. Докторовым переписку, включенности - как непосредственной, так и закадровой, как реальной, так и потенциальной.

Ваш - Андр. Алексеев.

**

Включение 144. В. Дмитриевский – А. Алексееву

20.05.2012

...Читаю "В поисках адресата". Безумно увлекательно. Много мне известно, но здесь как-то скомпоновалось в целостную и многокрасочную картину и воспринимается заново. Выходы на Цоя и Шевчука, отъезды Бродского и Довлатова, быт ИСЭПа. Кязерику и Вооглайд, судебная тяжба, казусы образовательной системы - это материал Щедрина и Сухово-Кобылина. Вообще, жизнь как драматургия событий - очень интересная концепция. Триада: письмо – статья - дневник. О семье, о детстве, отношениях с матерью и отцом -- для меня открывается многое по части Твоего отрочества и юности, становления личности, характера... <...> Я опять же с огромным интересом перечитал историю вранья Бориса в американский образ жизни. Пьесу можно было бы написать на этот сюжет. <...> В общем - спасибо за присыл!..

**

Включение 145. Р. Ленчовский – А. Алексееву, Б. Докторову

21.05.2012

Дорогие Андрей и Борис!

Поздравляю с сетевой капитальной публикацией документальной композиции вашей переписки "В поисках Адресата"!

Того, с чем я успел познакомиться и уже сжился – как за эти последние годы, так и впервые только что, - достаточно для оценки значимости вами содеянного: это – *дело!* А коль скоро речь – о личном деловом общении, в основе своем и глубоко личностном, то это, понятно, такое дело, такой ваш и некоторый общий опыт, такая наука, каковые есть непосредственное проявление, бытие ваших личностей, подлинное *личностное знание*...

Кроме родовой принадлежности этого текста к типу знания, концептуализированному в известном трактате М. Полани полувековой давности (на который мы все любим ссылаться), есть смысл говорить и о масштабе, некоторых горизонтах вашего предприятия *для социологии* как науки в целом, как минимум, – послевоенной. Впервые (насколько мне известно) «под одной обложкой» собрана в таком обширном объеме личная и лично-общественная переписка двух социологов - с включением и иных релевантных документов творческо-биографического плана, принадлежащих соавторам и их близким коллегам. Этим актом вы, иначе говоря, впервые (насколько я могу судить) вводите социологию в тот ряд академических и внеакадемических дисциплин духовной

культуры, где подобное *уважение к эпистолярной личностно-солидарной жизнедеятельности* - принято издавна.

...Вот, достаю с полки удобные двухтомники из многокнижной специальной серии 80-х годов - «Переписка русских писателей»: Тургенев, Чехов, Горький и т.д.; вот - тома «Переписки с русскими писателями» Л.Н. Толстого (и это всё – на основе и в дополнение к находимому читателем в полных собраниях...). К этой публикаторской личностно-ориентированной традиции *в мире художественной литературы* и вообще *искусства* из гуманитариев наиболее близки, наверное, *философы*: ценнейшие письма Канта, Шеллинга, Гегеля, Ницше... - все уже давно на книжных полках, включая и многие их русские переводы. Без них не реконструировать сколько-нибудь точно и полно историко-философский процесс, начиная со знаменитых *писем* Платона!

Не могу не упомянуть здесь уникальное во многих отношениях (и не в последнюю очередь - для «*социологии философии*», фундированной, в частности, Р. Коллинзом) образцовое издание сорокалетней (!) переписки двух поначалу самых близких друзей, а потом принципиальных идеологических и идейно-стилистических «внутренних» оппонентов на высочайших вершинах работы духа –Ясперса и Хайдеггера... Причём, именно в этой переписке (и в прилагаемых публикаторами извлечениях из иных личных документов) мы находим многие «ключи» для понимания герметичнейших их трактатов, но главное – для «расшифровывания» *социально-психологической* коллизии печально известного нацистского «искушения» Хайдеггера, его ректорства, пусть и короткого, 33-34 годов (переведена на русский в 2001).

И, конечно же, не нам, из «марксистской шинели» не так давно выпрыгнувшим, забывать о многотомном корпусе нуждающейся в *новом прочтении* переписки Маркса и Энгельса, исключительно важной в историко-научном и политическом смыслах, но интереснейшей также и в житейско-повседневном и эпистемологическом планах, - а, значит, и в социологическом! А это - более десятка томов в русском издании и значительно больше – в ещё не завершённом международном, MEGA, где только их писем друг к другу – немногим менее половины; не уверен, что в мировой практике найдётся порядочно подобных эпистолярных публикаций, а, значит, и возможностей для соответствующих биографических исследований...

Отдельный разговор – публикуемые ныне эпистолярные и прочие архивы репрессированных в СССР известных философов и иных интеллектуалов...

...Вот в таком не-случайном ряду я читаю, Андрей и Борис, вашу переписку – как интимно-творческую часть вашей (и нашей вообще) академической работы (другого рода интимность, например, переписку Герцена с невестой или Достоевского и Блока с их женами и т.п. – оставляю для других случаев...). Что ж, с удовольствием признаю, что для невадийско-общемировой коллекции ИВИ собрание вашей переписки последних лет, такое объёмное и вместе с тем концептуальное и продумано-компактное, – это органичайшее приращение!

Ещё раз – поздравляю!

(А что многое там мною читано-перечитано - только интригует в отношении ещё не ведомой мне части... Как прочитаю-перечитаю всё в целостном виде, так и снова откликнусь – уже конкретнее!)

Жму руку и обнимаю, Роман

(Из письма Р. Л. от 25.05.2012 с автокоррекцией вышеприведенного спонтанного отклика, перед включением в протокол:

«...В своём тексте я мог бы сокращать и ещё какие-то детали, но по позднему времени решил не тратить времени и сил: ведь и моя «борьба с избыточностью» (один из излюбленных мною приёмов само- (и вообще) редактирования) может стать с какого-то момента - *избыточной!*

На этом завершаю свой редакторско-корректорский «тренинг» (в охотку!), осознавая принципиальную этого и прочих подлинно творческих процессов – *незавершаемость, недостаточность и относительность!* Р.»

А. А.)

**

Включение146. Б. Докторов – А. Алексееву. Копии - Р. Ленчовскому, В. Дмитриевскому

22.05.2012

Андрей, прочел я «По поводу...» - Виталия и Романа... не знаю, какие мысли прилетели к тебе... у меня одна: что бы еще такое сотворить, чтобы услышать подобное? Поблагодарим наших друзей, пусть живут долго и счастливо... Борис

**

Включение147. А. Алексеев - Б. Докторову. Копии - Р. Ленчовскому, В. Дмитриевскому

22.05.2012

Дорогой Борис!

Однако же обласкали нас с Тобой друзья... Виталий - эмоционально, а Роман еще и концептуально. Ну, не возгордимся.

Я уже поблагодарил Виталия - за привычное понимание и очередное признание. Вообще же, эпистолярная хроника - лучший (как на мой вкус) жанр литературы, где последняя практически совпадает с жизнью. Моей инновацией здесь является двухчастная структура: "переписка" и "труды", - показывающая, как из первого вырастает второе.

Роман, конечно же, непомерно щедр, протянув такую цепочку ассоциаций. С другой стороны, и полезно, и приятно почувствовать себя в "мировом контексте". Разумеется, "зная свое место"...

Андр. Ал.

**

Включение148. Интермедия: Биография, мемуары и семейная хроника

22.05.2012

... У меня давеча развязалась оживленная переписка с коллегой Н, недавно издавшим интереснейшую автобиографическую книгу (читаешь – не оторваться!), которой, однако, он недоволен: вот и это не отразил в ней, и то, а здесь вроде смещены события и / или акценты.

Я написал ему:

«... По моей привычке пытаться из всякого недостатка или ошибки извлечь "выгоду" - посоветую Вам, как поступить в связи с лакунами в Вашем жизнеописании и т. п.

Вас отчасти подвела литературная природа книги, ее стилистика, исключая строгий хроникальный отчет. Между тем, для историко-биографической точности и полноты нужен другой жанр - **семейной хроники**, в которой могут быть и эпизоды (расцвеченные то ли памятью, то ли воображением), а главное все-таки - что где когда и с кем произошло и / или он совершил.

В таком случае, что Вам мешает написать, в дополнение к своей книге, такой фактографический текст, вроде тех двух уже давних, целевых семейных хроник - моей и Зининой, которые, вот, Вам посылаю (сами разберетесь в оглавлении). Я думаю, они не попадались Вам на глаза.

Как Вы понимаете, никакой литературной амбиции та и другая не содержат (хоть и тоже своего рода литературный жанр). Но они содержат то, что я еще помню и знаю, а уж дети или внуки только от меня и могут узнать. Вот в этом и состоит нравственный императив эстафеты памяти: долг перед предками и особенно - родителями. И вообще: "Делай то, чего никто кроме тебя и за тебя не сделает".

Вся эта мотивация довольно развита в тексте "[Коротка моя память...](#)" (1997), размещенном на сайте МБИ, и, в известной мере, он может служить образцом (типологическим примером для подобных текстов). Думаю, сын будет благодарен Вам за такой «не литературный» опыт. Уж о внуках и правнуках - не говорю. Кстати, и кетегатовских "[В полях предков](#)" не было бы, кабы не несколько уцелевших рукописных тетрадок его матери.

В тексте такого рода, между прочим, Вы можете использовать и какие-то сюжеты из своей книги но - пунктирно, конспективно.

Можете включить туда и самокритику собственного автобиографического произведения, но не эмоциональную, а деловую...»

Мой корреспондент высоко оценил наши с моей супругой Зиной [семейные хроники](#), в частности, мою - «Коротка моя память... (о моих родителях – для моей дочери)», даже вспомнил «Сагу о Форсайтах». Я ответил:

«... Жизнь так разнообразна и изобретательна, что, я думаю, о любом семейном клане можно написать свою "Сагу о Форсайтах", только не хватит нобелевских премий. Я тоже со скепсисом отношусь к "голосу крови"; с иными родственниками (хоть и мало их осталось) встречаюсь раз в 10 лет, а с некоторыми и вообще предпочитаю не общаться. ДРУГ - для меня понятие куда более высокое. И мотивация для этого - та же, что у Тебя: друга сам выбираешь, а родственников - что Бог послал. (Хоть и родственник может быть другом).

Исключение я делаю для родителей, моральные долги которым обычно возвращаешь собственным детям, а еще (по крайней мере в нашем возрасте) - памятью и ее эстафетой. Собственно, "[Коротка моя память...](#)" - это виртуальный памятник родителям, во всяком случае не менее важный, чем посещение могилы. (А могил-то я как раз и не навещаю). Я

свою семейную хронику довел до кончин обоих родителей, а дальше - нехай мои потомки пишут. (Впрочем, я им существенно облегчил задачу своей "драматической социологией" и т. п.).

Вообще, *семейная хроника* и *мемуары* - это разные жанры. Последние - скорее о себе, а первая - про тех, кто был до тебя, и особенно про тех, кого Ты застал...».

Я подумал, что эти соображения могут быть интересны и не только моему корреспонденту. И потому выношу их на наш Форум.

А. Алексеев.

**

Включение 149. А. Алексеев – всем действительным, а также возможным участникам Форума МБИ

6.07.2012

Уважаемые коллеги!

Как-то уж так сложилось, что я стал на нашем МБИ-форуме и / или дискуссии по социобиографии своего рода **нюсмейкером**. Адресная полемика как-то приутихла (думаю временно...), зато иногда вспыхивают отклики на «новые поступления» на сайте «Международная биографическая инициатива» и на др. информационных ресурсах.

Наряду с важнейшими новостями, я стараюсь также и эти отклики отслеживать.

Вот, например, ранее сообщалось о нашей с Борисом Докторовым новой работе: [«В поисках Адресата. \(Переписка двоих с постепенным расширением круга тем и участников. Февраль – октябрь 2006 г.\)](#).

Предисловие и послесловие к ней были размещены на нашем Форуме (протокол 2-5, включение 142). Также и спонтанные отзывы на нее – В. Дмитриевского, Р. Ленчовского (протокол 2-5, включения 144, 145).

А вот и еще один отклик – от редактора Фонда «Общественное мнение» Анатолия Чернякова (публикую, как всегда, с согласия автора):

А. Черняков – Б. Докторову

«...я ничего тебе не писал о книге, собранной на основе твоей переписки с Алексеевым. Излишне говорить, что материал там - огромный, причем не только многотемный, но и многоуровневый (от микро- до макро-), - так сказать, "многодискурсный". Это повышает ценность книги, но и затрудняет процесс ее чтения. Читая, выбираешь то, что тебе интересно сейчас. Уверен, что научно-историческая и историко-культурная значимость этого оригинального по жанру текста с годами будет возрастать. Книга дает возможность воочию увидеть, как на определенном отрезке времени люди определенного социального и интеллектуального круга диалогически выстраивали свою научную мысль, как формулировали, как общались, какие исторические реалии включали в это общение, как строилась их рефлексия по поводу времен минувших и т. д. И, главное, все это представлено в режиме "запечатленного он-лайн" - вот в чем уникальность книги. Я уж не говорю о собственно академической, аналитической стороне дела - это предмет особого разговора, а точнее, "разговоров". В общем, очень хорошо, что такая книга появилась. <...>. 4.07.2012.

Ну, приятно, когда читатель находит в произведении именно то, что автор или авторы пытались туда вложить. Спасибо!

А теперь – **НОВОСТИ**.

1. Пожалуй, главная новость – выход в свет фундаментальной работы **Бориса Фирсова: История советской социологии: 1950–1980-е годы. Очерки** : [учебное пособие] / Борис Фирсов. — 2-е изд., испр. и доп. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. — 476 с.

Воспроизведу здесь информацию, обнаруженную мной на сайте ЕУСПб (<http://www.eupress.ru/books/index/item/id/124>):

Борис Фирсов

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ СОЦИОЛОГИИ: 1950–1980-е годы. Очерки

Купить

320 р.

Издательство
Европейского университета
в Санкт-Петербурге

ISBN 978-5-94380-126-6

Год издания 2012

Страниц 476

Формат 145x215

Мягкий переплет (есть и твердый. А. А.)

Вес 630 гр.

Волонтаристски прерванный в период сталинского правления процесс развития российской социологической науки возобновился лишь в конце 1950-х гг., после XX съезда КПСС. Цель переиздания книги — продолжить исследование ренессанса этой науки, имевшего место в последние десятилетия существования СССР. Ее центральные темы остались неизменными: роль социологов в поддержке и критике советской системы, исторический экскурс в мир сложных взаимоотношений партийно-государственной власти и интеллектуальной элиты страны. Однако, используя новые источники, автор переосмыслил меняющийся социально-политический контекст советского общества, основные теоретические и эмпирические работы по социологии и их значение для реконструкции социальной истории СССР и феноменологии советского общества; углубил исследование мотивации поведения социологического сообщества на основе анализа научных школ и наиболее типических судеб ученых; предложил свое понимание путей вхождения советской социологии в поля мировой социологической науки.

Для социологов, историков, политологов, науковедов, преподавателей и студентов обществоведческих факультетов, а также широкого круга читателей, интересующихся развитием социальных наук в России.

[Оборот титула](#) (pdf 199КВ)

[Содержание](#) (pdf 204KB)

[Страницы книги, доступные в электронном виде](#) (pdf 251KB)

**

Содержание

От автора (2001)	8
От автора (2012)	12
Очерк 1. Несколько точек зрения на прошлое советской социологии . . .	17
1.1. Вступительное замечание	17
1.2. Документальные выдержки из «дела о реабилитации» советской социологии	19
1.3. Периоды истории советской социологии (субъективная версия Владимира Шляпентоха)	43
1.4. Состояние социологической науки сквозь призму перестроечной гласности	49
1.5. Вместо заключения	55
Очерк 2. Становление науки и преемственность социологической традиции	57
2.1. Вступительное замечание	57
2.2. О становлении русской социологической науки	60
2.3. Политическая ангажированность отечественной социологии	65
2.4. Марксизм и русская социология	67
2.5. О механизме всевластного распорядительства интеллектуальной жизнью	70
2.6. Марксизм и советская социология 1920–1940-х гг.	79
2.7. Возникновение разрывов в социологическом знании	83
2.8. О преемственности социологической традиции	89
2.9. Общий вывод к проблеме становления и развития дисциплины	94
Очерк 3. Социология между обществом и властью	96
3.1. Вступительное замечание	96
3.2. Волны радикализации общественно-политической жизни страны и социология	98
3.3. Социологические исследования и советские руководители. Манипулирование информацией	108
3.4. Влияние тотальной идеологизации	112
3.5. О диссидентской роли советских социологов	121
3.6. Общество и советская наука: мифы 1960-х гг. (резюме к третьему очерку)	125
6 Содержание	
Очерк 4. Субъективные факторы и мотивация социологической деятельности	129
4.1. Вступительное замечание	129
4.2. Плюрализм целей социологической деятельности	130
4.3. Социологи и интеллектуальная среда	134
4.4. Шесть типических моделей отношений социологов с властью	137
4.5. Независимо мыслящий ученый (модель 7)	151
4.6. Возвращаясь к семинарскому движению 1960–1970-х гг.	156
4.7. Причины культурного дефицита социологической мысли	165
Очерк 5. Социальная история советского общества и социологические	

исследования	170
5.1. Вступительное замечание	170
5.2. Социологическая база для реконструкции социальной истории	173
5.3. Социологическое видение развития общественной жизни	177
5.4. Генезис качеств советского человека	181
5.5. Поиск правдивого знания как отражение социальной истории	192
Очерк 6. Научные школы как опора и «кристаллизаторы» социологической науки	212
6.1. К определению научной школы	212
6.2. Роль этического измерения	216
6.3. Новосибирская экономико-социологическая школа	217
6.4. Становление советской школы социологии труда	225
6.5. Комплексное исследование «Общественное мнение» («Таганрогский проект», 1967–1974)	234
6.6. О реальном значении школ и главном препятствии для их развития	240
6.7. Век XXI: изменится ли что-то в судьбе научных школ?	244
Очерк 7. Как наводились мосты между советской и зарубежной социологией, или «self-made Sociologists»	248
7.1. Вступительное замечание	248
7.2. Сначала было печатное слово.	251
7.3. Как Роберт Мертон пришел на помощь советской социологии	255
7.4. Три этапа освоения парсонизма	259
7.5. «Профессор Сорокин? Откуда он там взялся?»	265
7.6. Польская социология: Восток — на Западе и Запад — на Востоке?	270
7.7. Возрождающаяся советская социология глазами западных социологов	278
7.8. Подводя итоги.	290
Очерк 8. Советская социология в период перестроечных перемен	292
8.1. Послесловие к брежневскому времени и предперестроечным годам	292
8.2. Новосибирский манифест	301
Содержание 7	
8.3. Одиссея помощников партии	304
8.4. Борьба за возвращение первоначального имени	313
8.5. Социологическая наука в поисках себя и места в изменяющемся обществе	320
8.6. Финал: два события из летописи советской социологии	326
Очерк 9. О советской социологии по гамбургскому счету	330
9.1. Максима Бориса Грушина	330
9.2. Амбивалентность социальных ролей советских обществоведов	335
9.3. Социологическое сообщество в зеркале поколенческого анализа	344
9.4. «Бермудский треугольник» идеологий	350
Эпилог	358
Приложение 1. Б.М. Фирсов. Как создавался курс по истории советской социологии 50–80-х гг. (рассказ в документах)	359
Приложение 2. Интервью с доктором философских наук Б.М. Фирсовым	371
Приложение 3. Б.М. Фирсов. «...О себе и своем разномыслии...»	390
Приложение 4. Б.З. Докторов, Б.М. Фирсов. Правилom является разномыслие	416

Приложение 5. Профессиональный кодекс социолога	439
Литература	443
Именной указатель	459
Список сокращений	469
Summary	473
Contents	474

К сожалению, я лишен возможности дать сетевую ссылку или разослать моим адресатам электронную версию этой книги.

Заинтересованным читателям остается надеяться на заказ через интернет-магазины или на приобретение этой книги непосредственно у издательства – по доступной цене, однако с достаточно сложным алгоритмом оплаты и доставки. (См. <http://www.eupress.ru/page/how-to-buy>).

Выход названной книги – СОБЫТИЕ в социологической, да и общекультурной жизни. Низкий поклон и поздравления – автору, вынесшему на своих плечах этот профессиональный мониторинг длиной в жизнь, этот глубокий анализ и ответственную рефлексию.

2. На нашем форуме уже не однажды упоминалась и обсуждалась автобиографическая книга другого моего коллеги и друга, социолога и театроведа Виталия Николаевича Дмитриевского «Жизнь в эпизодах» (протокол 2-4, включение 129 и др.). Продающаяся в московских магазинах чуть не за 1000 руб. (через интернет-магазин - втрое дешевле), она теперь стала доступна в Сети – на сайте «Международная биографическая инициатива»: http://cdclv.unlv.edu/archives/Memoirs/dmitrievsky_11.pdf

Чему я лично очень рад, а для вящего удобства моих адресатов прилагаю также копию pdf под скрепкой. (См. Приложение 1)

В последнем (6-м) номере петербургского журнала «Нева» появилась краткая рецензия на эту книгу. Воспроизведу ее здесь:

[Нева, 2012, № 6, с 248-249.](#)

Виталий Дмитриевский. Жизнь в эпизодах. СПб.: Композитор, Санкт-Петербург, 2011. — 320 с.: ил., портр.

Виталий Николаевич Дмитриевский по профессии театровед, социолог, в этой книге вспоминает о своем детстве, прошедшем в довоенном и блокадном Ленинграде, о мытарствах эвакуации, которые привели его семью в оккупированный Пятигорск. И о нелегком пути назад, в послевоенный город, в интернат Ленинградской капеллы, а позднее в аудитории Театрального института имени А. Н. Островского на Моховой. «Эпизоды из жизни», личные, субъективные воспоминания автора, охватывающие период 1930–1970-х годов, создают многослойную и драматичную картину времени и поколений, ныне ставших историей. Повседневный домашний, дворовый, школьный, студенческий быт, вхождение в профессию... Яркие детали «уходящей природы». Общая идеологическая атмосфера, довоенная и послевоенная. Так, вряд ли мы сегодня, в век Интернета, отдаем себе отчет в том, какую позитивную роль в формировании взглядов и вкусов ребенка, «будущего строителя прекрасного мира», играло в довоенные годы радио — самое действенное средство массовой информации до появления телевидения. Звучали мажорные песни, завораживали добрые детские передачи, нормой являлось семейное прослушивание трансляций оперных и драматических постановок, в которых принимали участие корифеи сцены. Да и театры, и кинотеатры были доступны для семейного посещения. Память автора хранит целые пласты богатейшей культурной жизни прошлого: имена и репертуар певцов-кумиров довоенных и послевоенных времен, официальных и

полузапретных; трофейные фильмы и зарубежные шлягеры послевоенных лет; звездные спектакли, что уже после смерти Сталина в страну, чуть приоткрывшую «железный занавес», привозили в СССР зарубежные гастролеры; «триумфальное шествие» авторской песни. Малоизвестными фактами насыщены страницы, на которых рассказывается об интернате при капелле: быт, учеба, отношения с преподавателями, официальные концерты, на которых юные хористы капеллы звонкими голосами пели песни с официозными текстами, например, такие: «Спасибо Жданову Андрею, что все дела у нас на редкость хороши!». Большинство текстов, цитаты из которых приводит автор, давно канули в Лету по «политическому несоответствию», да и по художественному тоже. «Испорченная» анкета — пребывание на оккупированной территории — не помешало построить жизнь и судьбу, всегда находились умные — и смелые — люди, понимавшие смехотворность вопроса: сотрудничал ли мальчик восьми с половиной лет с немецкими оккупантами, не был ли связан с гестапо. Доподлинно, верно передают атмосферу времен, когда весной руководители приветствовали горожан города с трибуны у Зимнего дворца, а спустя несколько месяцев оказывались «врагами народа, чуть ли не до начала войны собиравшимися сдать город Финляндии», заголовки статей и заметок из газет. Громились лжеученые-генетики, критики-космополиты, зловередные формалисты. «Картина мира» и осознание себя в локальном и глобальном жизненном пространстве так или иначе складывалась из собственного непростого опыта выживания, из рассказов окружающих, иногда готовых делиться своими взглядами. Эта привычно двойственная картина мира стала терять свою устойчивость после смерти Сталина. Жизнь В. Дмитриевского всегда была связана с театром: завзятыми театрами были родители, после окончания Ленинградского института театра музыки и кинематографии он работал в ТЮЗе, где изнутри узнал театральную жизнь, потом был Институт театра и музыки на Исаакиевской площади. Герои его книги — родные и соученики, учителя и наставники, друзья и коллеги, люди искусства и науки, наконец, представители официальных инстанций. И, конечно, преданные служители театра. На страницах этой книги предстают молодая красавица Нина Ольхина, пламенный Виталий Полицеймако, великий и снисходительный к детям Николай Черкасов, знаменитые режиссеры Ленинграда, составившие славу города на Неве: Акимов, Товстоногов, Корогодский. В книге использован обширный документальный материал: письма, фотографии, чудом сохранившиеся семейные документы, театральные программки. Житейские впечатления, зафиксированные поколенческим детским, подростковым или зрелым сознанием, ценны тем, что отражают реалии действительности в подчас неожиданных ракурсах, однако сама их фрагментарность вносит свои неповторимые краски и неожиданные смыслы в понимание целостной картины мира.

Публикация подготовлена Еленой Зиновьевой.

Но это еще не весь последний урожай на творческих полях социолога-театроведа. В прошлом году на страницах нашего Форума (Протокол 2-3, включение 97), на сайте МБИ, а затем в журнале «Телескоп» (2011, № 6) появилась вызвавшая наш общий интерес статья : [«Художник и власть в искусстве эпохи надлома империи \(Н.П. Акимов и Г.А.Товстоногов\)»](#).

И вот – продолжение этой темы на еще более близком к нашим дням материале: [«Художник и власть на сломе эпох \(Режиссер Марк Захаров и другие\)»](#). (эта статья опубликована в «Телескопе» (2012, № 3), вывешена на сайте МБИ, и также на нашем Форуме она очень уместна. (См. отдельное включение, ниже).

Я усматриваю сущностную переключку между фирсовскими очерками - «История советской социологии 1950-1980 гг.», докторовской социологией «в лицах» (его недавно вышедший в качестве электронной книги трехтомник «Современная российская социология. Историко-биографические поиски») и вот этими социально-психологическими портретами известных российских театральных деятелей советского и постсоветского времени, выполненными Дмитриевским отважно и тактично.

Хоть социология, хоть театр - оказываются отличным полигоном для анализа и рефлексии **«в точке пересечения биографии и истории»** (пользуясь выражением выдающегося американского социолога, автора знаменитой книги «Социологическое

воображение» Чарльза Райта Миллса).

3. В уже упомянутом номере 3 журнала «Телескоп» опубликовано как минимум пять материалов, имеющих прямое отношение к нашему «незримому корлледжу» и социобиографическому сообществу. Это:

- Дмитрий Шалин. Проблемы мемуарной этики и достоверности биоинтервью.

Эта статья в основном воспроизводит заметки Д. Шалина в дискуссии на нашем Форуме (Протокол 2-1. Включение 1) под названием «О терминологических излишествах, достоверности биоинтервью и мемуарной этике»

Аннотация этой статьи из журнала «Телескоп»:

Биографика и мемуаристика вполне сложившиеся жанры, но вопрос о достоверности авто/биографических данных и мемуарной этике пока не получил достаточного освещения в социологической литературе. Настоящая статья — это попытка наметить круг вопросов, связанных с данной проблематикой. Основываясь на материалах проекта «Международная биографическая инициатива», автор анализирует различные типы биоинтервью и их влияние на ответы респондента, обсуждает трудности с публикацией сенситивных данных, и вводит понятия «биокритики» и «реверсивного редактирования» как методологического ресурса в социологической биографике.

- Андрей Алексеев. К дискуссии о соотношении "субъективного" и "объективного" в биографическом нарративе.

Эта статья в основном воспроизводит заметки автора этих строк дискуссии на нашем Форуме (Протокол 2-5. Включение 137) под названием «Объективной истины о человеке не бывает, потому что он субъект...»

Аннотация этой статьи из журнала «Телескоп»:

Статья посвящена дискуссионным вопросам применения биографического метода в гуманитарных исследованиях и солидаризуется с высказанной в частном письме точкой зрения И.С. Кона: "Объективной истины о человеке не бывает, потому что он субъект".

- Виталий Дмитриевский. Художник и власть на сломе эпох. (Режиссер Марк Захаров и другие). См. http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/dmitrievsky_zakharov.pdf, а также - под скрепкой

Аннотация этой статьи из журнала «Телескоп»:

В статье продолжен анализ проблемы взаимоотношений художника и власти, начатый публикацией статьи: «Н. Акимов и Г. Товстоногов: взаимоотношения художника и власти» («Телескоп», 2011, № 6).

- Михаил Тарусин. Типично нетипичная история

Комментарий Б. Докторов к этой статье:

Публикуемый ниже фрагмент мемуаров Михаила Тарусина (род. 1958 г.) в силу двух причин интересен для исследователей истории современной российской социологии. Прежде всего, рассказ Тарусина, выпускника философского факультета МГУ, позволяет увидеть один из путей, которыми приходили в социологию молодые люди на рубеже 70-х — 80-х годов прошлого столетия. Уникальность траектории его движения «в профессию» складывается из в общем-то типичных, характерных для студенчества и молодых специалистов тех лет ситуаций, или кейсов. В воспоминаниях Тарусина время очень зримо: представители старших поколений социологов

социализировались и профессионализировались иначе, и совсем по-другому, скорее всего, будет происходить погружение в социологию представителей следующих поколений. Вторая причина интереса к тексту Тарусина заключается в том, что его появление дает возможности для историко-научного анализа, учитывающего традиции биографики и биокритики. Пять лет назад он дал мне обстоятельное биографическое интервью, которое тогда было опубликовано в не существующем уже журнале Фонда «Общественное мнение» «Социальная реальность». Сегодня оно доступно в Интернете. Теперь у нас есть два изложения ряда значимых для Тарусина событий, отображенных по-разному. В интервью — кратко, в мемуарах — пространнее, детальнее; каркас интервью задавал я, структуру воспоминаний — их автор, да и годы, разделяющие эти тексты, могли что-то изменить в восприятии Тарусиным былого, а значит — и в отражении.

И, наконец, рецензия Олега **Божкова** на электронную книгу Б. Доктора [«Докторов Б.З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски». В 3-х тт.](#) Об этой книге уже неоднократно шла речь на страницах нашего Форума. (протокол 2-5, включение 139 и др.)

Приведу ее здесь полностью:

Телескоп / № 3 (93) / 2012

Олег Божков, Социологический институт РАН

История нашей социологии — свидетельства действующих лиц

Докторов Б.З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 3-х тт. Том 1: Биографии и история PDF, М.: ЦСПиМ, 2012. — 418 с.

Докторов Б.З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 3-х тт. Том 2: Беседы с социологами четырех поколений PDF, М.: ЦСПиМ, 2012. — 1343 с.

Докторов Б.З. Современная российская социология: Историко-биографические поиски. В 3-х тт. Том 3: Биографическое и автобиографическое PDF, М.: ЦСПиМ, 2012. — 400 с.

Издательская
Аннотация

В 3-томнике доктора философских наук, профессора Б.З. Доктора обсуждаются результаты его историко-научного анализа становления современной российской социологии. Оригинальность и новизна этой работы определяется установкой автора на освещение прошлого-настоящего отечественной социологии на базе воспоминаний тех, кто формировал ее основы и внес значительный вклад в развитие ее теории, методологии и методов.

Том 1 — «Биографии и история» — является методологическим введением ко всему проекту. Одновременно в нем представлены теоретико-эмпирические выводы проведенного исследования.

Материалы тома 2 — «Беседы с социологами четырех поколений», — образуют эмпирическую базу исследования. Это — 44 глубинных биографических интервью, которые были проведены Б.З. Докторовым в 2005–2012 годах с российскими социологами разных поколений. Среди них: А.Н. Алексеев, А.Б. Гофман, Т.И. Заславская, А.Г. Здравомыслов, Л.Г. Ионин, Н.И. Лапин, Б.М. Фирсов, Ф.Э. Шереги, В.Э. Шляпентох, В.А. Ядов. Название тома 3 — «Биографическое и автобиографическое» в полной мере отражает его содержание. В нем рассказано о жизни ряда социологов, чье творчество и чьи гражданские позиции особенно близки автору. В частности, это — портреты: Г.С. Батыгина, В. Б. Голофаства, Б. А. Грушина, Ю. А. Левады, представлены фрагменты его переписки с И. С. Коном. Завершают книгу материалы, объясняющие, как автор шел к разработке историко-биографической тематики и что его удерживает в ней долгие годы.

Книга может быть полезной широкому кругу социологов, и прежде всего, ВУЗовским преподавателям, аспирантам и студентам, специализирующимся в области истории российской социологии.

Вместе с тем, она адресована и более широкому кругу читателей, интересующихся социологией и историей нашей страны.

Хотя рецензия не предусматривает включение издательских аннотаций, я рискнул нарушить это правило, ибо эта аннотация, во-первых, лаконична; а, во-вторых, сразу вводит читателя в курс дела.

Безусловно, выход в свет этого трехтомника — большое событие в жизни российского социологического сообщества. Но, что также важно отметить, — это и жизненный подвиг его автора, Бориса Зусмановича Докторова. Подвиг поиска своего места в жизни в сложных биографических обстоятельствах, подвиг верности самому себе. И меня несколько не смущает высокая пафосность этих слов.

Путь к этой книге был очень не прост. Начало его — в обращении к истории американских опросов общественного мнения. Стимулом к «повороту» в сторону России, я думаю, стала рубрика «Ретроспектива» в «Социологическом журнале» и публикации в ней первых интервью Геннадия Семеновича Батыгина с «отцами-основателями» советской социологии 60_х годов. А может быть, таким стимулом послужила книга «Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах» (СПб, 1999). Во всяком случае, мне кажется, что эти публикации «подсказали» Борису Докторову путь «возвращения на Родину» (пусть и символического) и путь к самому себе, как российскому ученому и человеку.

Да и сам автор описывает в первом томе, как пришел к этой тематике. Вполне возможно, что мы с ним выделяем разные причины и стимулы. Но, думаю, что читатель не найдет здесь непримиримых противоречий.

Борис Докторов нашел единственно возможный в его жизненных обстоятельствах современный способ — интервью по электронной почте — реализации продолжения проекта, начатого Г. Батыгиным. Не только нашел, но и довел его до такого уровня, что сегодня можно говорить о методе биографического интервью Б. Докторова. Может быть, этот метод еще далек от совершенства, но это, — безусловно, метод.

Конечно, как у всякого нового, у этого метода есть и сторонники, и противники. Новации Б. Докторова «спровоцировали» ряд дискуссий. Назову здесь раздел «Фрагменты дискуссии об использовании биографического метода для исследования российской социологии» в книге «Теория и методология в практиках российских социологов: постсоветские трансформации», М.: Научный мир, 2010. — 480 с.; а также дискуссию «Биография и биокритика» на МБИ_Форуме.

Впрочем, «кухню» своего метода автор ни от кого не таит. Она описана в том же первом томе этого издания. В этом же томе читатель найдет и обоснования метода, и критерии, по которым автор выделяет, как минимум, четыре поколения советских социологов. Может быть, не все согласятся с предложенной автором аргументацией. Но его аргументация не только имеет право на существование, но лично мне представляется вполне основательной.

Во втором томе — самом объемном (почти 1500 страниц) — в четырех разделах (по числу выделенных автором поколений) представлены тексты 44 интервью. Каждому разделу предпосланы «замечания общего характера». В этих замечаниях описываются ключевые признаки, на основании которых автор относит тех или иных героев именно к данному поколению. Каждый читатель сам определит свое отношение к этим критериям. Однако некоторые недоумения возникают. Не буду приводить здесь конкретные примеры, исключительно из этических соображений, дабы не ущемить нечаянно чье-нибудь самолюбие. Но у меня возникло впечатление, что в некоторых (правда, редких) случаях решающим признаком оказывался именно биологический возраст персонажей.

Ценность второго тома, конечно же, — в самих интервью, которые можно рассматривать, как важный источник информации, как первооснову для последующих исторических и социологических изысканий и анализа. Это, действительно, «свидетельские показания» самих участников и творцов, действующих лиц нашей истории. Но автор не ограничивается только накоплением «исходных данных».

Уже в первом томе несколько глав посвящено осмыслению методологического статуса биографических материалов. А в третьем томе автор демонстрирует некоторые подходы к анализу биографических и автобиографических данных и примеры такого анализа.

Рассматриваемый 3-х томник — только часть большого исследовательского проекта: «Международная Биографическая инициатива», который Борис Докторов ведет

вместе с другим нашим соотечественником, профессором университета Невады Дмитрием Шалиным. Это огромный архив не только биографических материалов российских / советских социологов, он содержит также документы истории советской социологии; статьи, посвященные теории и методологии биографических исследований. В последнее время вокруг этого проекта сформировался «незримый колледж» — круг людей, серьезно размышляющих о проблемах изучения истории российской социологии, о значении биографических данных в этой работе, о взаимовлияниях истории и биографии.

О дискуссии «Биография и биокритика» на МБИФоруме уже упоминалось в начале этой рецензии. Позиции участников этой дискуссии далеко не всегда совпадают — на то и дискуссия, — но объединяет их высокий профессионализм, искренняя заинтересованность в предмете дебатов и, если использовать слова известной песни: «Святая к музыке любовь». А закончить хотелось бы заключительными словами предисловия от издателя: «Таким образом, 3-х томник содержит итоги различного рода историко-биографических поисков, касающихся современной российской социологии. Но поиски не завершаются. Они продолжаются...»

4. Рад сообщить коллегам, если кто еще не знает, что в мае-июне с. г. возник [сайт, посвященный российскому социологу Геннадию Семеновичу Батыгину](#) (1951-2003)

Из «главной» сайта:

Добро пожаловать на сайт, посвященный российскому социологу Геннадию Семеновичу Батыгину. Он ушел из жизни в 2003 году и его очень не хватает. Конечно, остались его работы, фотографии и воспоминания и все же - нам его не хватает. Не хватает его чувства юмора и тонкой иронии, его внимательного отношения к людям, его познаний и стремления делиться всем этим с другими. Хотелось бы, чтобы этот сайт способствовал сохранению и приумножению научного и человеческого наследия Геннадия Семеновича. Мы, его ученики, друзья и коллеги, постараемся сделать для этого все, что в наших силах.

Сайт преследует несколько целей:

сбор и организация имеющихся материалов с целью оцифровывания и долгосрочного хранения

поиск редких материалов, таких как фотографии, записи выступлений, публикации

создание неформального сообщества для тех, кто интересуется проблематикой, затронутой в работах Батыгина

изучение вопросов создания и функционирования личных электронных архивов.

Приглашаем к сотрудничеству всех заинтересованных лиц и заранее благодарим за интерес и помощь. Редкие, малоизвестные фотографии, аудио- и видеоматериалы с участием Г. С. Батыгина можно присылать на info@batygin.com

Карта сайта:

- [Главная](#)
- [Биография](#)
- [Публикации](#)
 - [Полная библиография работ](#)
- [Преподавание](#)
 - [Учебники](#)
 - [Лекции](#)
 - [Семинары](#)
 - [Другие учебные материалы](#)
- [Воспоминания](#)

- [Интервью](#)
- [Некрологи](#)
- [Студенческий фольклор](#)
- [Фотоальбом](#)
- [Видео и аудио](#)
- [Ссылки](#)
- [Карта сайта](#)
- [Обратная связь](#)

Думаю, это не только отрадное, но и высоко-значимое для нашего сообщества и, если можно так выразиться, «справедливое» событие.

5. Я постоянно стараюсь облегчить моим адресатам непосредственный доступ к упоминаемым текстам (статьям, книгам) путем гиперссылок и просто сетевых ссылок: щелкни мышкой на выделенное цветом и подчеркиванием название, одновременно нажимая CTRL , и ты попадаешь куда надо. .

Но иногда хочется иметь под руками полное собрание материалов нашего Форума (дискуссий). И для этого я собираю их все в СВОДНЫЙ файл, в котором, на данный момент, порядка 400 стр. и около 500 kB.

Я прилагаю этот сводный файл. См. под скрепкой, приложение 2.

Ниже, как обещал, отдельно - полный текст статьи В. Дмитриевского [«Художник и власть на сломе эпох \(Режиссер Марк Захаров и другие\)»](#). См. также под скрепкой, Приложение 3.

Приятного чтения!

Андрей Алексеев. 6.07.2012

**

Включение 150

Опубликовано в: «Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2012, № 3.

В.Н. Дмитриевский

Художник и власть на сломе эпох

(Режиссер Марк Захаров и другие)

1

В отечественном театре традиция украшать премьеры и юбилейные празднества присутствием первых лиц государства сложилась давно.

....В декабре 1925 года в СССР широко отмечалось столетие декабристского восстания. Московский Художественный театр подготовил к случаю «Утро памяти декабристов» и пригласил Л.Д. Троцкого произнести вступительную речь. «Только Ваше участие, – подчеркивал К.С. Станиславский, – может дать тот пафос, который необходим

для значительности, с которой театр хотел бы отметить этот исторический день... Театру было бы очень дорого видеть Вас в своей среде в этот день, он ещё раз просит не отказать ему в его просьбе и надеется на скорый и благоприятный ответ». (1). Вождь на спектакль пришел, от выступления уклонился, однако представление ему понравилось, он аплодировал артистам и написал благодарное письмо Станиславскому.

В российском театре подобные прецеденты случались в недавние и давние времена. Так 4 марта 1923 года зрителям Театра Вс.Мейерхольда сообщили: спектакль «Земля дыбом» посвящается присутствующему в зале народному военному комиссару Льву Давидовичу Троцкому. Публика вскочила со своих мест, зааплодировала, спела «Интернационал». «Троцкий, – вспоминает художник Ю.П.Анненков, – тоже выслушал все это стоя. Дальше, сквозь зрительный зал, проезжали на сцену настоящие броневики, мотоциклетки, грузовики, тоже вызывавшие аплодисменты и восклицания: «Слава Красной армии!», «Вперед, к пролетарской диктатуре!» и т.п. Троцкий неожиданно появился на сцене, и, среди очень картинно расступившихся актеров, произнес короткую, но уместную по ходу действия речь, посвященную пятилетию Красной армии. После бурной овации действие продолжало развиваться на сцене самым естественным образом и Троцкий снова вернулся в свою ложу» (2)

...А столетием раньше, в 1834 году, император Николай 1 высочайше одобрил драматурга Нестора Кукольника за патриотическую трагедию «Рука Всевышнего Отечество спасла», живописавшего восшествие на престол Михаила Романова при содействии князя Дмитрия Пожарского и посадского человека, торговца нижегородских мясных рядов Кузьмы Минина, по прозвищу Сухорук, за что последний и был пожалован царем думным дворянством и землями в новгородском уезде. «Рука Всевышнего...», произведение, по общему признанию, весьма ходульное, но, безусловно, сильно патриотическое. Аплодировал на спектакле петербургского Александринского театра не только император со свитой. «В райке простой народ... так орал и бесновался, что всякую минуту можно было ожидать, что оттуда кто-нибудь вывалится», – весело вспоминала княгиня М.Ф.Каменская.(3).

...Во МХАТе же «Утро...» пришлось открывать Станиславскому. Он связал «декабристскую» тему с двадцатой годовщиной Первой русской революции 1905 года и объяснил замысел представления желанием театра «вызвать на сцену, пускай бледные, тени тех образов и тех людей, которые сто лет назад пожертвовали своей жизнью для нас, пришедших много лет спустя» (4). Театр хотел уловить «дней связующую нить», пробудить «нужную эмоцию» в массовом сознании, апеллируя к социальной и исторической памяти.

«Тени» героев-декабристов публику впечатлили, как и яркая фигура их палача Николая 1 в исполнении В.И.Качалова: талантливый артист выступил в драматизированных фрагментах романа Д.С.Мережковского «14 декабря». Успех «Утра...» и высокая оценка Троцкого побудили Станиславского особо благодарить режиссера Н.Н.Литовцеву и В.И.Качалова «за большую и прекрасную работу, которая дает театру верную, хорошую, благородную ноту. Это очень важно». (5).

х х х

История обычно сохраняет в анналах основоположников – родоначальников, зачинателей, первооткрывателей, отмеченных высокими постами, званиями, наградами. История меньше заботится о преемниках, последователях и нередко почти забывает о замыкающих, а ведь они замечательны уже тем, что завершают собой ряд – плеяду, этап, цикл, эпоху – и тем самым ставят финальную историческую веху...

Ордена, звания, регалии и ритуалы, – политико-пропагандистский инструментарий управления исторически опробован общественным сознанием. Высоким авторитетом художников, ученых, мыслителей – освящались разного рода властные акции манипулирования сознанием масс. Использовать в качестве мощного агитационно-идеологического прикрытия популярность, харизму художника, восторженное доверие к

нему публики в политических целях – давняя традиция. Но «Божий дар», талант, профессиональное мастерство, мировоззрение, творческая индивидуальность признавались властью, но особо ценились личная преданность и беззаветность служения. Вот посмотрите, дорогие товарищи, какие замечательные художники единодушно одобряют мудрую политику правительства, партии и ее ленинского ЦК. Ведь это наши с вами любимцы, певцы, актеры, драматурги, живописцы писатели, поэты, композиторы, творцы монументальных полотен и пейзажей, песен, спектаклей, фильмов!

Однако, как мы знаем, в повседневной жизни взаимоотношения Художника и Власти складывались отнюдь не идиллично. Вдруг выяснилось – кто-то получил регалии не по заслугам, кто-то не оправдал доверия. Приходилось отменять указы, отбирать награждения, принимать постановления «Об исправлении ошибок...» и т.д. Потому даже самые высокие правительственные регалии не обеспечивали художнику независимости и покоя. Г.Товстоногов имел едва ли не все возможные звания и награды, к сорока годам – лауреат двух Сталинских и одной Ленинской премии, в сорок два – Народный артист Советского Союза, потом лауреат четырех Госпремий, кавалер трех Орденов Ленина (остальные без счета), Герой Соцтруда, депутат Верховного Совета СССР и т.д., и т.п. Но «бронзы многопудье» не спасало его от запрета «Римской комедии», от зубодробительной критики «Горя от ума», «Трех мешков сорной пшеницы», «Цены».

Были в стране режиссеры, которые, как и Товстоногов, руководили своими театрами десятилетиями – М.Царев, М.Кедров, Н.Акимов, Л.Вивьен, В.Плучек, Р.Симонов, Ю.Завадский, М.Захаров, О.Ефремов... Но вот А.Эфрос за тридцать лет сменил – не по своей воле – четыре труппы. В 1954-63 годах в Центральном Детском театре Эфрос воспитал учеников-студийцев, с ними перемещался по Москве – из ЦДТ в Театр имени Ленинского Комсомола, затем – в Театр на Малой Бронной, а потом с поредевшим отрядом приверженцев -- в Театр на Таганке.

В Детском театре и в Московском Ленкоме Эфрос ставил пьесы о подростках и юношестве, увиденных внимательными глазами В. Розова, А. Хмелика, Н. Долининой, Э. Радзинского, А. Арбузова... Его спектакли разрушали замшелую эстетику старого театра. Апелляция к молодежному сознанию всегда находила живой отклик зала. “104 страницы про любовь” Э.Радзинского после эфросовской постановки утвердилась на сценах множества театров и была экранизирована. В “Снимается кино” того же Радзинского Эфрос коснулся опасной темы отношений художника и публики, художника и власти, художника и времени. Он обострил эту тему в спектакле “Мольер” по М.Булгакову, приблизил её к современности, показал жизнь незаурядного художника, обреченного на компромисс и невозможность творческого самовыражения. Зал горячо принимал спектакли Эфроса, их проблематика «ложилась» на узнаваемые реалии социальной и художественной жизни. Мольер в спектакле Эфроса униженно пытался сохранить театр, отстоять своего “Тартюфа” и погибал в поединке с королем Людовиком, а в это же время в столицах и в провинции партгосчиновники запрещали спектакли, кинофильмы, закрывали художественные вернисажи.

После “Мольера” Эфрос изгнан из Театра им. Ленинского комсомола в Драматический театр на Малой Бронной. Вместе с ним в театр приходит не только часть возвращенных им актеров, но и представительный контингент зрителей, они рекрутируют в свои ряды новых единомышленников и создают неповторимую ауру восприятия спектаклям Эфроса, они знают “язык Эфроса”, считывают метафоры, знаки, смыслы, интонационную лексику. О чеховских “Трех сестрах” в интерпретации Эфроса писал критик А.Смелянский: “Это был спектакль о прекрасных женщинах, которым не суждено было взлететь, не суждено любить и быть любимыми. Мужчины этого спектакля... были способны только на то, чтобы жаловаться на жизнь, непрерывно говорить и философствовать о том, что будет через 200 лет... И это был еще конец идеологии оптимизма, которая преследовала Чехова на советской сцене. Мечты по лучшей жизни в

конструкция обнаженно-символична -- крутой дощатый помост, железная цепь, деревянная плаха с вонзенными в нее топорами, тяжелые набатные колокола, виселица. По уходящему вглубь сцены грубому дощатому помосту с грохотом катятся буйные головы казненных, железная цепь врезается в обнаженные тела бунтовщиков, набатный колокол оповещает о народном горе -- каждый символ предметен, функционален. Эстетика уличного балагана утверждалась гротесковыми скоморошьими масками интермедий, разыгрываемых при дворе императрицы Екатерины Великой. Метафора «Художник и Власть» укрупнялась нарастающей стихией взрыва народного бунта, мощью трагических страстей завершающих спектакль монологов.

В сценических решениях Любимова огромную смыслообразующую роль играло оформление художника Д.Боровского. Критик А.Гершкович описывал финал запрещенного к показу спектакля «Борис Годунов»: «В финале, после убийства детей Бориса, смешанный хор медленно выступал на зрительный зал и замирал в ужасе перед самой кромкой помоста. Немая сцена. На зрителя в упор глядят расширенные остекленевшие глаза. Полуоткрытые рты, застывшие в немом крике лица-маски. В этот момент из бокового прохода зала появляется Годунов. Теперь Губенко (исполнитель роли Годунова – В.Д.) одет в свой обычный московский костюм. Ничем не отличаясь от сидящих в зале, он не спеша, поднимается на сцену и обращается к зрителям почти без укора, без особой надежды услышать ответ:

--Что же вы молчите? Кричите: да здравствует...

Народ в зале безмолвствовал.

В растерянности молчал на сцене и хор. Но через мгновение, подчиняясь ритму драмы, прерывал молчание и запевал «Вечную память» по всем невинно убиенным».

(10).

Ю. Любимов выстраивал Таганку как театр политический, он умело создавал вокруг него общественное мнение, а параллельно выходил на прямые диалоги с высшими руководителями страны. В противостояние театра и власти Любимов включал и зрителей, использовал их энергетику как своеобразный защитный заслон. Встречи труппы с публикой и обсуждения спектаклей Любимов режиссировал и обставлял как полемический митинг. На обсуждении «Бориса Годунова» 25 апреля 1982 года к микрофону выходили видные искусствоведы, композиторы, историки, социологи, публицисты, коллеги-режиссеры, литераторы... Заключал обсуждение Ю.Любимов на кульминационной и даже угрожающей ноте: «Наступает рубеж, и начальники понимают, что будет жестокая схватка ряда крупных художников, живущих в этом государстве, с такими дурными начальниками. Эти дурные начальники, не уважающие культуру своего народа, граждан своего народа. Один из начальников, когда уходил, сказал мне на прощание, что он не может выносить этого. Зря вы, товарищи начальники, ушли, надо уметь слушать. Почему же мы десятилетиями отважно слушаем поучения, да еще такие, что диву даешься и стыдно слушать». (11).

Влияние спектаклей Театра на Таганке «резонировало» далеко за пределы Таганской площади и даже Москвы, оно распространялось на широкие слои населения, проникая вглубь массового сознания, формировало взгляды молодежи, увлекало художественную и научную элиту самого высокого уровня. Это крепило и положение самого театра. Театр создавал общественное мнение, рекрутируя толпы поклонников в сознательных единомышленников. Социальное настроение, порожденное театром, активизировало публику и в Москве, и на гастролях в СССР, и за рубежом. Молодежь, интеллигенция, художественная и научная элита, которая в силу своего авторитетного положения крепила гражданскую репутацию театра в обществе, пытались защитить его от произвола властей.

Уже находясь в Англии, Любимов заявил представителям прессы: правительственные чиновники невежественны, они вредят не только театру, но и всему культурному престижу страны. А спустя четыре месяца в другом интервью режиссер по

сути дела поставил советским властям ультиматум: «Я должен подождать, пока мне не будут предоставлены условия, при которых я могу работать. Там есть министр культуры Демичев. Я жду того, что он получит отставку, а он ждет того, что я умру; но что ж, посмотрим». (12).

22 декабря 1986 года Любимов из Вашингтона отправил в Кремль телеграмму: «Уважаемый Михаил Сергеевич! Благодарю Вас за любезность и внимание к просьбе моих учеников, артистов, друзей, поклонников театра о моем возвращении на родину в мой родной дом – Театр на Таганке. Я был бы рад, если это послужит началом разговора с эмиграцией. Я верю в серьезные намерения Вашего правительства по устранению несправедливостей прошлого правления. С уважением, Юрий Любимов». (13). В 1987 году Ю.П. Любимов вернулся в Москву.

х х х

М.Захаров обратил на себя внимание театральной общественности в начале 1960-х годов спектаклями Студенческого театра Московского Университета «Карьера Артура Уи» Б.Брехта (поставлен при участии С.Юткевича) и «Дракон» Е.Шварца. Выбор пьес примечателен – на «Драконе», как и «Голого короля» Е.Шварца был наложен запрет еще в 1940-х годах. И теперь выпуск «Драконе» проходил трудно. Разрешение дали лишь благодаря хлопотам мэтра кинематографа С.Юткевича, поддержке режиссеров О.Ефремова, В.Плучека, писателя и общественного деятеля Н.Хикмета.

Захаров настойчиво и последовательно развивал свою репертуарную линию. Он поставил острую «новомировскую» повесть В.Войновича «Хочу быть честным!». Режиссер вывел на сцену дерзкого рабочего-строителя, решившего существовать вопреки служебным директивам, по собственным нравственным законам. (Заметим: призыв Солженицына «Жить не по лжи!» громко прозвучит спустя восемь лет). После постановки в Студенческом театре к инсценировке повести Войновича обратились 157 театров страны.

«Доходное место» А.Островского Захаров поставил весной 1968 года в Театре Сатиры – это «Хочу быть честным» уже на излете «оттепели», в разгар «пражских событий», когда обреченность наметившихся «шестидесятнических» надежд становится очевидной. Захаров позволил себе «грубо осовременить» и «исказить» русскую классику -- уже после того, как официозная критика за те же «нездоровые тенденции» «строго поправила» А.Эфроса, П.Фоменко, Г.Товстоногова. Одним из ключевых эпизодов стал диалог Вышневецкого (Г.Менглет) и Жадова (А.Миронов). В ответ на пылкий призыв к независимому общественному мнению, Жадов получал насмешливую отповедь исполненного житейской мудрости старого чиновника: «У нас общественного мнения нет, мой друг, и быть не может в том смысле, в котором ты понимаешь. Вот тебе общественное мнение: не пойман – не вор. Какое дело обществу, на какие доходы ты живешь, лишь бы ты жил прилично и вел себя как следует...».

Жадов метался по сцене и обращался к публике с выдвинутой в зал «площадки совести» с пламенным признанием. «Я не герой, я обыкновенный слабый человек. У меня мало веры, как почти у всех нас. Нужда, обстоятельства могут загнать меня, как загоняют почтовую лошадь. Но довольно одного урока, чтобы воскресить меня... Я могу поколебаться, но преступления не сделаю, я могу споткнуться, но не упасть».

На этой последней фразе спектакля возникала грустная и в то же время светлая мелодия; Миронов печально и вместе с тем просветленно улыбался... Это была эмоционально кульминационная завершающая точка спектакля. Жадов сознавал свое поражение, вынужденность «жить как все», но готовность «быть честным» его не покидала. Монолог звучал программно и даже пронзительно. Публика рукоплескала. Крах и размежевание начавшейся было формироваться в современном обществе духовной оппозиции четко просматривались в спектакле Захарова: в обнажившемся конфликте «отцов и детей» обеспокоенная власть почувствовала угрозу своей идеологической монополии. Спектакль запретили.

Реабилитацию у власти Захарову принес «Разгром» по повести А.Фадеева, поставленный в 1971 году в Театре им. Вл. Маяковского при покровительстве его художественного руководителя А.Гончарова. Захаров отказался от помпезности, привычной в историко-революционных сценических полотнах, увлек зрителя яркостью театрально-поэтических символов и метафорических знаковых обозначений. Вышедшие из тьмы таежных глубин партизаны – в звериных шкурах, надвинутых на лоб меховых шапках, с пиками, олицетворяли стихийную полудикую силу, её подчинял своей железной воле коммунист Левинсон – А.Джигарханян.

На волне художественного и идеологического успеха Захарову доверили Театр им. Ленинского Комсомола. Теперь он стал сам формировать труппу и выращивать своих «звезд». Представление «Тиль» по пьесе Г.Горина, написанной по мотивам «Легенды об Уленшпигеле» Ш.де Костера, стало программным спектаклем. Эстрадно-балаганное зрелище крепилось атрибутикой современного шоу-обозрения, куплетами Ю. Кима и рок-музыкой Г. Гладкова. Тиль в исполнении Н.Караченцова напоминал молодому зрителю, впитавшему клишированные стандарты поверхностного дискотечного мышления, о смысле и значимости идей и настроений «шестидесятничества». ...В Фламандском королевстве возбраняется читать, хранить и распространять книги мудрецов, здесь господствует правовой произвол, а награда положена доносчикам, здесь в палачи и стукачи идут по вдохновению, грустно оправдываясь -- "время такое — инквизиция, костры, плахи, где тут талантливому человеку развернуться?" Тиль-Н.Караченцов бросал вызов власти и ослепленной толпе, увлекал публику темпераментом веры в справедливость, преданностью чести, достоинству, ответственности за судьбы близких людей.

В историческом репертуаре «перестроечной» поры пьесы М.Шатрова о Ленине занимали особое место. В «Синих конях на красной траве» Шатров позиционировал себя строгим и дотошным историком-фактографом. Но, как известно, документ, факт, исторический персонаж в умелых руках интерпретатора -- не более, чем яркая марионетка, искусно управляемая скрытым за ширмой виртуозом-кукловодом. Шатров создавал театральную мифологию о Ленине в русле антисталинской направленности, опровергал пропагандистскую риторику предшествующих десятилетий, наполняя документальную схему актуальным пропагандистским смыслом.

В «Диктатуре совести» М. Захаров и М. Шатров выстраивали на сцене наглядную «связь времен». Они обращались к «совести шестидесятника», некогда боевому заводиле Студенческого театра, а ныне редактору газеты Баташову: "Это шанс вашего и нашего поколения... может, больше никогда такого удачного стечения обстоятельств не будет — мир на дворе и мы можем вести драку, чтобы вернуть словам их первоначальный смысл и ценность». Но «потускневший шестидесятник» замешкался, как, впрочем, и сидевший в зале зритель. Рушились стены, обваливался потолок, эффектно крошилась люстра и на развалинах бутафорского «социалистического благополучия» ярко высвечивалось выдвинутое в зал игровое пространство -- "площадка совести" – своего рода режиссерская реминисценция, если вспомнить запрещенное в 1968 году "Доходное место". На «площадку» "вызывались" герои "Бесов" Ф.Достоевского, известные исторические персонажи и рядовые «простые люди», выхваченные из потока современной жизни – злодей Верховенский, пламенный коммунист Андре Марти, мрачный шофер с соседней московской улицы -- сторонник «сталинской сильной, властной руки» и др. Их социальная и нравственная сущность обнажалась в импровизированном выплеснутом в зал перекрестном диалоге.

В зале присутствовал приглашенный Захаровым Б.Ельцин. Ведущий спектакль Олег Янковский, поддержанный возбужденной публикой, пригласил его выйти на сцену, но Ельцин ограничился короткими репликами «с места». Впрочем, к интерактивному общению аудитория в ту пору подготовлена не была, зрители на задаваемые вопросы реагировали робко, испуганно, да и сам театр еще социально творчески не созрел до

свободной импровизационной беседы. «Игроки театра», преувеличенно-возбужденно пикируясь между собой, «дотягивали» спектакль уже на своей сценической территории.

Пьесы М.Шатрова стали доминантой «политическо-демагогического» театра 1980-х годов, они же стали и его финалом. Митинговая стихия бурлила у стен Кремлевского Дворца Съездов, на телеэкранах, на городских улицах и площадях. Пора сценического карнавала завершилась, театральные игры с властями и историческими масками публику мало интересовали.

Х х х

Каждая сторона предлагает свой социальный идеал и настаивает на его приоритете. Художнику дорога «презумпция нравственности» в конкретном и в широком смысле, в конечном счете, он сам ставит себя перед выбором – мораль, истина, свобода эстетического и гражданского высказывания, безупречная творческая репутация или «половинчатость», благоразумный расчетливый компромисс, или открытая сервильная прагматическая целесообразность.

На определенном этапе «художники-шестидесятники» обрели огромную социальную и эстетическую энергетику и государство вынуждено было с ними считаться, хотя и стремилось внести раскол в их ряды. Солидарность либеральной интеллигенции, готовность овладевать широкой информацией, реально помогать несогласным, правозащитникам отозвались широким общественным резонансом. Призыв А.Солженицына «Не лгать! Не участвовать во лжи! Не поддерживать ложь» оказался воспринят разными слоями населения. Солженицын призывал помочь новому поколению: «Жаль молодежь? Но и чье же будущее, как не их? Из кого ж мы и ждем жертвенную элиту? Для кого ж мы и томимся этим будущим? Мы-то стары. Если они сами себе не посядут честного общества, то и не увидят его никогда». (13).

...Так случилось, что последним властным жестом Президента Советского Союза М.Горбачева стал указ о присвоении званий народных артистов А.Пугачевой и О.Янковскому.

В 1996 году, уже через пять лет после этого знаменательного события О.Янковский в интервью «Известиям» вспоминал: «В тот момент я находился в Париже, вернулся домой с репетиции, а на столе стоит мой любимый напиток – виски и супруга говорит: «Давай отметим!» – «Что отметим?» «Только что позвонили из Москвы, тебе присуждено звание народного артиста СССР». – «Какой Советский Союз? Давай отказываться... Так что я должен быть в книге рекордов Гиннеса. Станиславский – первый, я – последний...».

Диалог происходил в предвыборные дни, в марте 1996 года. Корреспондент не мог удержаться от «политического» вопроса:

– Как вы воспринимаете возможный возврат коммунистов?

– Интеллигенция поддерживает здравомыслие. Хотя я понимаю, что коммунисты не те, что были в прошлые годы, но все равно страшно. Ситуация абсолютно непредсказуемая.

– Вы в своей политической позиции равняетесь на Марка Захарова? (Корреспондент имел в виду экстравагантное сожжение Захаровым в пепельнице своего партийного билета перед изумленной телеаудиторией. – В.Д.).

– Я не занимаюсь политикой. Мне предлагали быть вторым, третьим человеком в одной, в другой, в третьей партии, что-то там пропагандировать. Я – нигде. Занимаюсь своей профессией – думаю, что это и есть для меня самая главная политика». (14).

Понятия «власти», как и представления о ее вертикальной иерархии и горизонтальной взаимозависимости, становятся весьма многозначными, дифференцированными. Художник неизбежно сталкивается с режимом государства, идеологии, общества, экономики, разных уровней администрации, с амбициями авторитетов, наконец, с наследием устойчивых традиций и предрассудков – как творческих, так и житейских и пр. И зависимость от этих проявлений власти может быть

многоступенчатой и трудноразличимой в разных условиях и на разных социально-психологических, административно-экономических, профессиональных уровнях. Нередко центральная ведомственная власть бывает мягче, чем власть местная, региональная. Функционер «при власти» как правило старается заслониться щитом «государственной необходимости», «интересами общего дела, народа, общества, страны» и не склонен «открывать лицо», «персонифицироваться» в глазах художника или общественности. Художник же, наоборот, предпочитает искать контактов с властью через личный контакт с ее уполномоченным представителем. И здесь возрастает роль и значимость личности, индивидуальности, присущих ей нравственных качеств, моральных устоев и принципов, категорий гражданского и профессионального достоинства, наконец, харизмы как самого художника, так и контактирующей с ним властной персоны. В таком диалоге обнажаются этические качества конкретных участников диалога – для кого-то личностное, гражданское достоинство оборачивается всего лишь отжившим предрассудком, которым можно легко пожертвовать во имя неких общих «высших» интересов государственной, общественной, корпоративной или иной целесообразности, а для кого-то это – высшая цель, стимул творческой деятельности, духовного самовыражения, профессионального призвания, смысл бытия.

Здесь видится важный узел проблем, который определяется конкретно-исторической, социально-психологической обстановкой, корректирующей параметры личной и общественной морали, культуры, повседневного бытия и пр. Взаимозависимость, «баланс интересов» для художника крайне важны, но не менее важно существование в гармонии с самим собой, со своим кодексом чести, со своей «картиной мира». Конфликт «художник и власть», «художник и рынок», «художник и публика», «художник и творческое сообщество» разрешается не столько во внешней ситуации, сколько – и может быть, прежде всего – в сознании самого художника...

2

...Сотрудничество художника и власти имеет последствия для обеих сторон. Ангажируя художника, власть, по сути дела, его растлевала, но и художникам подчас удавалось «раздвинуть щель» в заборе идеологического монополизма, растлить сознание номенклатурных чиновников, «перевербовать» их в свой лагерь. Властным персонам льстит «общение с небожителями», близость к «миру искусства», возможность оказаться в нем «своим», «добрым советчиком», «мудрым экспертом», «тонким ценителем» и даже соучастником художественного процесса, превратиться из функционера-запретителя в друга-покровителя. Но и художникам близость к власти бывает не чужда – просыпается надежда на высочайшее покровительство. Прекрасный тезис «жить не по лжи» в реальных условиях часто оказывался неконструктивен и на скользкой тропе *разумного* компромисса – ради достижения высокой художественной цели – приходилось «поступаться принципами». В искусстве демагогической эквилибристики важно было устоять на почве реальности, не потерять репутации – творческой и гражданской. Любимов отвечал на нападки власти стремительной неотразимой напористостью и хваткой, Товстоногов заслонялся высочайшим мастерством созданной им труппы и в то же время весомостью регулярных «датных спектаклей», Ефремов обезоруживал прямоотой, непримиримостью, открытостью, лукавым обаянием, блоками «революционных полотен» и острой публицистикой «производственных» драм. А.Эфросу и П.Фоменко демагогия чужда и оскорбительна, они уходили «в оборону» и часто проигрывали силовому напору, М.Захаров с игривой невозмутимостью отважно входил в репутационную «зону риска». Но что безусловно – благодаря умелой, ловкой и даже талантливой демагогической тактике театральным лидерам подчас удавалось поставить и обнародовать свои сценические шедевры, позиционируя их как свидетельства лояльности государственной идеологии и ее высоких ценностных

ориентиров. Так художники отвечали власти на предложение партнерства, «по умолчанию», понимая его неравенство, делая вид, что верят в возможность «истину царям с улыбкой (а иногда и без нее) говорить». Власти также «по умолчанию» делали вид, что такое сотрудничество возможно и даже плодотворно.

И тем не менее, вне зависимости от произносимых деклараций, для каждого художника – как мне представляется – оставалось трезвое и жесткое реальности: моральная проблема неразрешима вне рамок проблемы социальной. Личная ответственность человека – художника, ученого, общественного деятеля, идеолога – даже за коллективный подвиг или за коллективное преступление остается – за ним, она «персональна» и не может списываться «отдельными недостатками», «просчетами системы» – человек при всех обстоятельствах остается хозяином своей судьбы – личной, профессиональной, художественной. «Наружу выходит столько истины, сколько мы выводим, – рассуждал Галилей – В.Высоцкий в спектакле Ю.Любимова «Жизнь Галилея». – Я предал свое призвание и человека, который совершает то, что совершил я, нельзя терпеть в рядах людей науки».

Для Эфроса бремя руководства Театром имени Ленинского Комсомола обернулось административной ссылкой в Театр на Малой Бронной – тема «человек и общество», «художник и власть» обнаружила свою явную неуместность в репертуаре труппы, ведомственно подчиненной ЦК комсомола. Захаров, придя в «Ленком», занял лукавую позицию: вывеску молодежного театра обернул в свою пользу, предложив идеологическому аппарату ЦК ВЛКСМ себя в качестве надежного защитника советской молодежной культуры, способной перенаправить негативный агрессивный напор в русло развлекательной энергетики.

В когорте режиссеров-«шестидесятников» Марк Захаров занимает особое место не только потому, что он, будучи младшим среди них, сохранил в себе столь мощный жизненный и творческий ресурс. Главное, пожалуй, заключается в том, какую своеобразную и в чем-то неожиданную для современников парадигму развития – социальную и художественную – приобрел его режиссерский талант в переломных условиях развития нашего общества. И на этом обстоятельстве следует, на наш взгляд, остановиться особо.

В пору «горбачевской перестройки» Захаров завоевал прочную репутацию легитимного художника-политика, генератора радикальных идей реформирования не только театрального дела, но и всего советского общества. Захаров – в центре идеологической и политической жизни страны. После статьи в «Огоньке» и сенсационных телевизионных выступлений с требованиями вынести из Мавзолея тело Ленина и защитить кремлевские соборы и захоронения немецких военнослужащих от поругания и запустения, Горбачев по-приятельски откликнулся: «Ну и накидал ты нам вопросов!» (17).

На смелые инициативы режиссера незамедлительно отреагировал и Съезд народных депутатов СССР. Постоянный президиум съезда, возглавляемый Сажой Умалатовой, предложил лишить звания народных артистов СССР Марка Захарова и Михаила Ульянова – «за предательство интересов советского народа» и огульное охаивание истории Отечества советского периода». (18). Съезд решение не утвердил, а вскоре СССР рухнул и страна обрела исконное название – Россия

Марк Захаров в «перестроечную» и «постперестроечную пору» на гребне событий. Он – секретарь Союза театральных деятелей России, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР, народный депутат СССР, член комитета Верховного Совета СССР по науке, народному образованию и воспитанию, член Высшего консультативного совета при Председателе Президиума Верховного Совета РСФСР, член Президентского консультативного совета, позднее – академик Академии Российского телевидения, академик Международной академии творчества, член Союза писателей Москвы и др. Когда к концу 1980-х митинговая стихия переместилась в Думу, на площади, на

телеэкраны, Захаров снимает с афиши «Ленкома» политические спектакли -- «Диктатура совести», «Синие кони на красной траве» М.Шатрова, «Оптимистическую трагедию» Вс.Вишневского, выносит из фойе монументальное многофигурное полотно, украшавшее интерьер многие годы – «Выступление В.И.Ленина на 3-м съезде РКСМ».

В середине 90-х М.Захаров осознает в себе масштаб идеолога и политического трибуна. Он ведет рубрики в газете «Известия» и на ТВ, в публицистических эссе он обличает нацизм, большевизм, интернациональный коммунизм, мечтает о проведении над КПСС нечто вроде Нюрнбергского процесса, требует захоронить Ленина на Волковом кладбище в Петербурге, поддерживает право народов на самоопределение, хотя и не распространяет его на Чечню (19), он выступает за ужесточение Уголовного кодекса во имя укрепления национального единства России. (20). Нравственных, идейных авторитетов Захаров находит в отечественной философии: И.Ильин, Н.Бердяев -- его любимые цитируемые мыслители.

Суммируя высказывания и поступки М.Захарова можно прийти к выводу: лидер молодежного театра – сторонник прочной державности, замешанной на идее православия, народности, порядка, дисциплины, законности. На эту идею Захаров нацеливает и лидеров государства как в своих публичных выступлениях, так и в ходе неформального общения с ними. Поддерживая на выборах 1996 года Б. Ельцина, М.Захаров пишет : «Вместе с президентом Ельциным народы России совершают сейчас отчаянный прыжок через пропасть, к которой привел нас коммунизм»; отвергнув Ельцина, общество рискует оказаться перед угрозой фашизма.(21). В телепередаче «Серпантин» осенью 1993 года М.Захаров снова призвал захоронить Ленина на кладбище, согласно традициям православной обрядовости, он ищет поддержки и у возрождающегося дворянского сообщества, и у русского казачества, приветствует новую российскую символику («прекрасный двуглавый орел»), хвалит новую книгу А.Рущкого, предвидит появление на политическом горизонте сильного харизматически яркого национального лидера, отчетливо дает понять, что Ельцин отвечает этим качествам как никто другой.

К мысли о необходимости скорейшего обретения народом национальной идеи Захаров возвращается после гастролей «Ленкома» в Израиле – его сильно впечатлили встречи с соотечественниками, подавленными необдуманным отъездом из России. (На сцене «Ленкома» эта тема реализовалась в постановке Г.Панфиловым пьесы А.Галина «Сорри» с участием И.Чуриковой и Н.Караченцова) (22). Само присутствие Ельцина и Лужкова в храме, со свечами, Захарову видится знаковым событием и в статье под заголовком, заимствованным из седьмой молитвы св. Иоанна Златоуста – «Господи, даждь ми мысль благу» он призывает вернуть общество к христианскому единоверию: «Все выдающиеся ученые в конце жизни приходили к религии», -- категорично убеждает Захаров, демонстрируя явную неосведомленность в этом деликатном вопросе: его поспешил поправить в «Литературной газете» известный ученый, член-корреспондент Академии Наук Е.Фейнберг (22). Но Захаров твердо убежден: «Истинно российскому воинству нужна церковь» (23). В контексте этих заявлений понятна восторженная поддержка восстановления архитектурных реликвий и прежде всего Храма Христа Спасителя: «Так пусть же воссоздание Храма Христа Спасителя станет остовом нового державного мышления, первой зримой строкой общественного покаяния, началом восхождения к нравственному, эстетическому восхождению, без которого Россия не сделает осязаемых шагов к своему духовному и экономическому преобразению». (24). Главную заслугу в этом очистительном благородном процессе Захаров отдает новой власти, мэру Лужкову, благодаря которому «...храм во имя Христа Спасителя вознесся над телом Москвы в одно мгновение, сразу, в едином дерзновенном порыве. ...Быть может, когда над Храмом Христа Спасителя воссияют золотые купола со святыми византийскими крестами, сердца наши, в том числе атеистические, станут чуточку добрее». (25).

Впечатляет способность Захарова придать планетарную масштабность локальной личной акции, трансформировать свой выход из КПСС, день рождения или юбилей труппы в праздник едва ли не федерального значения. Когда ТВ показывало армию уборщиков в желтых жилетах, метлами сгребавших у здания ЦК КПСС на Старой площади выброшенные многочисленными москвичами и «гостями столицы» ненужные теперь красные книжицы, Захаров как режиссер, истинный мастер «суперпрофессии», поставил «акт своего отречения» развернуто и помпезно – перед телекамерой на глазах изумленной многомиллионной публики он поджег свой партбилет и превратил его в пепел. (Заметим, грамоту советского правительства о присвоении звания Народного артиста СССР он оставил неприкосновенной и до сих пор подписывает высоким титулом афишу своего театра).

Наблюдения Захарова, сделанные в креслах депутатских собраний и президентских советов, позволили ему придти к весомым обобщениям. «Компромисс перестает обозначать «трусость», «предательство» и вообще какой-то ущербный поступок, -- убежден Захаров. – Компромисс постепенно становится элементом нормального мышления, инструментом практической работы депутатов...». В президенте СССР Захаров видит безусловного лидера нации. «Не желая славословить нашему высшему руководству, скажу: нередко приходилось удивляться тому, что Горбачеву удавалось изменять настроение такого большого количества людей. Такое уменьше – часть нашей режиссерской профессии, и именно с точки зрения режиссуры меня и удивляло и поражало подобное мастерство... Председательствующий проявил в тот момент и свой большой политический талант и, в какой-то степени, подлинно режиссерский дар... И такие качества нашего политического лидера я как профессионал оцениваю очень высоко» (26). (Возможно, такие оценки Захарова укрепились в нем после известного заседания Верховного Совета, на котором Горбачев столь умело направил агрессию возбужденного зала советских депутатов против выступающего А.Сахарова).

Захаров размышляет о постановке спектакля, посвященном президенте СССР: «Горбачев – великая историческая фигура. В спектакле о нем его роль мог бы сыграть Абдулов. Я за сильную власть в пору переходного периода к демократическому государству». (27). Но стремительное и неустойчивое время опережало смелые замыслы Захарова; после развала СССР страну возглавляют новые персоны и Захаров спешит их достойно обслужить. В Голливуде он принимает присвоенную Б.Н.Ельцину награду Американского фонда исполнительского искусства – «в знак признания его мужества и смелости на пути демократии, на который вступил он и его народ». «13 апреля я передал награду Президенту Российской Федерации, – отчитывается Захаров в газете «Культура», – и имел с ним беседу по самым широким вопросам нашей культуры. В беседе были также затронуты некоторые вопросы внутренней и внешней политики». (28). Более развернуто о встрече с Ельциным Захаров повествовал в «Известиях», в очерке «Визит к президенту».

Вообще, личные неформальные общения с первыми лицами страны приводят Захарова в состояние восторга и умиления, о чем он спешит рассказать широкой аудитории. « – Я так и не научился обманывать, -- признался Захарову в приватной беседе Б.Ельцин. -- Так нельзя, -- сказал я с умным видом, -- повествует Захаров. – Политика – грязная вещь. Надо обманывать». Ельцин категорически не согласился. Захаров стоял на своем, «говорил, есть одно качество, за которое я, как театральный режиссер, ценю нашего президента: не боится терпеть рядом с собой яркие фигуры, людей новой генерации». (29). И в самом деле, рядом с собеседниками-президентами Захаров видится фигурой равновеликой, он щедро делится навыками режиссерской профессии, попутно высказывая конструктивные замечания относительно ведения общего державного дела. И президенты, и Захаров «взаимно-демократичны», к тому же с точки зрения режиссера президенты – те же зрители, а зритель, как считает Захаров всегда прав: «Как покупатель в магазине. Если ему что-то не нравится, я никогда не

спору, я всегда на его стороне» (30). В такой позиции, видимо, и заключен секрет художественного и политического «менталитета Захарова», демонстрируемое его художественное и политическое кредо как «властителя дум», озабоченного судьбой Отечества – зритель, как и покупатель всегда прав.

Известные художники, ученые, общественные деятели, приобретая популярность, авторитет, образуют в обществе своего рода «референтную группу». Доверие к ним предполагает «принятие ими полномочий» на выражение чаяний масс или интересов политических элит, или по крайней мере, определенных субкультурных сообществ. Доверие расширяет поле творческих исканий, возвышает, облагораживает, укрепляет репутацию, харизму, имидж, оно свидетельствует о признании таланта и принятии норм поведения «публичного человека», о значимости его деяний, которые ведут общество к духовному оздоровлению. Этим социально-психологическим рычагом демагогически пользуются политики, рекрутируя в ряды своих единомышленников популярных харизматических деятелей искусства, науки, спорта в ходе разного рода избирательных кампаний. Вместе с тем и сама «референтная группа» отнюдь не однородна – «официозные правдоискатели» принимают «сильную сторону» безусловно, становятся её преданными волонтерами, «приводными ремнями», и сознательно, в своих часто небескорыстных целях, противопоставляют себя «инакомыслящим», диссидентам и иным «несознательным элементам».

Конечно, между искусством и государством, художником и властью, художником и публикой при всех политических режимах возникают сложные отношения. Широковещательно артикулируя свои идеалы, художник неизбежно выступает сторонником или противником корпоративных интересов, властных сил, партийных группировок, наконец, своих коллег. Аргументируя общественную позицию, воплощаемую в своих произведениях, художники апеллируют опять же, к «высшей истине», к «правде времени», оказываются перед выбором – оставаться верным нравственным, эстетическим, художественным, гражданским идеалам, «своей правде», или сознательно подчинить творчество политическим конъюнктурным задачам, стать рупором власти, при этом пытаясь сохранить привлекательную репутацию самоотверженного правдоискателя и пр.

...Время непреодолимо. Ушли из жизни А.Эфрос, Г.Товстоногов, О.Ефремов, ушли и их авторитетные наставники и покровители – С.Юткевич, А.Гончаров, В.Плучек, М.Кнебель... Основателя Театра на Таганки Ю. Любимов «отодвинул» на «старую сцену» бывший его единомышленник Н.Губенко ещё в пору своего министерского правления. Из театральных лидеров конца 1980-90-х гг. на гребне успеха остался, пожалуй, лишь М.Захаров, отважно переживший «бури и натиски» лихолетья. Хроника жизни режиссера постсоветских десятилетий – общественной, творческой, личной – насыщена значимыми событиями.

1993 год – год шестидесятилетия Марка Захарова. Он полон творческих сил и замыслов. В преддверии юбилея режиссер выпускает «Женитьбу Фигаро». 3 марта на премьеру съезжается весь правительственный бомонд во главе с предсовмином Егором Гайдаром – министры, руководители госкомитетов, советники, референты, мэр Москвы Юрий Лужков с сопровождающими высокими лицами. Александр Руцкой откровенно признается «Я весь 92- и начало 93-го года не смеялся. И поэтому я благодарен Театру: наконец-то засмеялся». (31)

Долг платежом красен: в апрельской телепередаче «Киносерпантин» Захаров хвалит новую книгу А.Руцкого и уверяет, что архитектурный облик Москвы под руководством Лужкова сильно меняется к лучшему. (33).

Как гражданина глубоко волнует Захарова морально-нравственное состояние общества. «Могут ли рабы выбирать?» – задается вопросом Захаров в «Известиях» 5 ноября 1995 года, и отмечает тревожную ситуацию: «Сегодня, надо признать, рабское сознание проснулось в немалом количестве россиян и они в сладком томлении

потянулись под начало родной партноменклатуры». (33). Спасение от грозящей беды Захаров видит в религии: «Пусть воссозданный Храм Христа Спасителя станет остовом нового державного мышления началом восхождения и нравственному и эстетическому прозрению, без которых Россия не сделает осязаемых шагов к своему духовному и экономическому преобразению». (34).

В октябре 1993 года –13-го числа Захарову исполнилось 60! – звезды политики и культуры снова почтили своим посещением театр «Ленком». Вечер открылся сценами из выдающихся спектаклей юбиляра, затем – приветствия Михаила Ульянова, Екатерины Максимовой Владимира Васильева, Иосифа Кобзона, Кристины Орбакайте, Галины Вишневской, Мстислава Ростроповича, Владимира Этуша, Андрея Вознесенского, Михаила Жванецкого, Геннадия Хазанова... Мэр Москвы Юрий Лужков выступил под псевдонимом Август Сентябрьский и подарил Захарову балалайку. Огласили и приветствие от президента Ельцина – он в эти минуты летел из Японии в Россию. (35).

Рубеж веков плодотворен для «Ленкома», но важной сферой деятельности Захарова остается политика. «Нам не нужны судьбоносные выборы, – категорично утверждает Захаров в статье в газете «Известия» – Вместе с президентом Ельциным народы России совершают сейчас отчаянный прыжок через пропасть, к которой привел нас коммунизм». (36). В той же газете год спустя Захаров пламенно приветствует государственную мудрость Лужкова и предлагает Ельцину баллотироваться на президента вторично, сравнивая его с Рузвельтом. (37).

Но остается время и для юбилеев. Чем больше прожито лет – тем пышнее празднование. 70 лет Театру «Ленком» – дата, достойная всеобщего ликования. В зале президент Б.Ельцин со свитой, ордена «За заслуги перед Отечеством» разных степеней вручаются М.Захарову, И.Чуриковой, Л.Броневому, А.Абдулову, А.Збруеву, орден Почета Н.Караченцову. Орденами дело не ограничилось – в разделе особо ценных подарков – семь автомобилей. «Такого экстаза от слияния с властями мы не наблюдали уж лет пятнадцать, – писала потрясенная масштабами торжества журналист С.Тарошина – Речь Захарова напоминала здравицу от имени и по поручению. Мол, так и так, господа и дамы, беспрецедентный выход президента на сцену должен обрадовать все театры, так как это и есть корректировка в делах культуры» (38). Она же, уже на страницах «Общей газеты» предложила вывести и единицу измерения политической пластичности творческого индивидуума – «один Марк Захаров». «При Горбачеве он ввел «Диктатуру совести» (название пьесы М.Шатрова), отмеченную кристальной ясностью аллюзий Ленин – Горбачев, и прямо на экране и сжигал партбилет. У Ельцина он был идеологом кампании «Голосуй или проиграешь». Одновременно начиналось сближение с Лужковым... Пройдет немного времени, и Захаров сделает выбор в пользу мэра. Выбор, однако, оказался неокончательным. Стоило на политическом небосклоне взойти звезде Путина, как Марк Анатольевич тотчас поспешил в «Президент-отель» с группой граждан». (39)

Осенью 2000 года, М.Захаров вошел в инициативную группу по выдвижению в президенты России В.Путина и аргументированно поставил его в ряд выдающихся мировых политиков уровня Франклина Рузвельта. «Путин один из тех людей, которых я уважаю за дееспособность, мобильность, умение говорить и, самое главное, активно и много работать. Не скрою, что в этом отношении моим кумиром долгие годы оставался и остается Юрий Михайлович Лужков. О таких фигурах, как Горбачев или Ельцин, я сейчас сознательно не говорю, потому что это – космические фигуры в нашей истории... Посмотрите внимательно: Путин делает почти то же, что делал Рузвельт: он говорит – это меня лично приятно удивило! – в том числе и о том, что у него не получилось, в чем он ошибался». (24).

Социальное чутье не обмануло Захарова: президентом избрали Путина.

Время неудержимо... 13 октября уже 2008 года на спектакле Московского театра «Ленком» в день празднования семидесятипятилетия его главного режиссера Марка

Анатольевича Захарова среди публики оказался замечен президент России Дмитрий Анатольевич Медведев. Захаров был приятно удивлен и тут же пригласил Медведева в свой кабинет.

... «Старые фотографии и афиши, охапки цветов, – описывает встречу журналист «Известий», – накрытый для чаепития маленький круглый стол...

– Уже подписали? Не передумаете? – усомнился режиссер, услышав от президента об указе, награждающем его, Захарова, высшим российским орденом.

– Во-первых, уже подписал. А во-вторых, это сделано по велению сердца, а не как-то иначе, – отверг сомнения Медведев.

– Это самая высокая награда, дальше некуда. Хотя еще можно Герой России. – Захаров с серьезным лицом демонстрировал абсолютную несерьезность, не желая вести себя «как положено». – Но для этого нужно быть в «горячих точках».

– Вам лучше заниматься тем, чем вы занимаетесь, всё, что нужно совершить в жизни, вы уже совершили, – отказался от «призывника» президент.

– Я план ваш выполнил по демографии, дожил до 75... – произнес, глядя в чайную чашку, Захаров.

– А все, кто посещает театр, живут дольше, у них настроение другое, – раскрыл неожиданный секрет долголетия Медведев. – А как отмечаете? Расскажите мне, а заодно и всей стране.

– Я больше всего хотел, конечно, дематериализоваться, – вздохнул юбиляр и уже орденосец. – Но раз публичный я человек, прятаться нельзя... Вот сегодня соберемся небольшим составом...

– Небольшим – это сколько? – подвох Медведев сразу уловил.

– Да человек пятьсот, – со смехом отозвалась Александра Захарова, на сей раз игравшая в «Ленкоме» исключительно роль дочери.

– Человек пятьсот? Сопоставимо с приемом в Кремле. Думаю, будет весело. Во всяком случае, другим, не вам, все-таки юбилей – трудное дело.

Сошлись на том, что дни рождения оба отмечать не любят. «– Простите, но вы гений», – резюмировал Медведев шуточную перепалку на предмет того, верить или не верить (по системе Станиславского, конечно же) в неприятность юбилея для самого юбиляра.

...Внесли шампанское, – продолжает репортаж журналист. – Раздался звон разбившегося бокала. Если он падает из рук столь многомудрого официанта (иного рядом с президентом быть не может), значит, действительно на счастье. Но тост за себя Захаров произнести так и не дал. И самым что ни на есть обычным образом перебил президента Медведева, уже начавшего говорить о том, что коли он не попадает на прием, то... Как, наверное, перебил бы любого другого, решившего перед телекамерами говорить о его, Захарова, заслугах.

– Вы стали больше улыбаться! За вас!

– Видимо, работы стало меньше... За вас!

И вскоре и труппа «Ленкома», и просто друзья Захарова дождались своего любимого режиссера. Который и в юбилей, и без него – действительно первой степени». (41).

Корреспондент «Известий» Сергей Мамонтов сфотографировал компанию: за чаем смущенно улыбающийся Захаров с президентом, женой и дочерью. Счастливые смеющиеся лица.

...Но расслабляться, однако, рано ни хозяевам, ни гостям: осенью 2013 года грядет 80-летие Народного артиста СССР Марка Анатольевича Захарова! Согласно традиции, празднование обещает быть масштабным и красочным.

Примечания:

1. Станиславский К.С. Собр. соч., в 9 т. М., 1999. Т.9. С.205
2. Анненков Ю. Дневник моих встреч, в 2 т. М., 1991. М.2. С.81.
3. Каменская М.Ф. Воспоминания. М., 1991. С. 213.
4. Станиславский К.С. Указ. соч. Т.6. С. 251.
5. Там же. Т.9. С.238.
6. Смелянский А. Предлагаемые обстоятельства. М., 1999. С.84.
7. Ефремов О. Перед премьерой. // Московская правда, 1967, 10 февраля. С. 3.
8. Смелянский А. Там же. С. 45-46.
9. Новые документы // Современная драматургия. 1996, №3. С. 249-250.
10. Гершкович А. Театр на Таганке. М., 1993. С.133.
11. «Борис Годунов» на Таганке. // Вопросы театра. М., 1990. С. 328.
12. Гершкович А. Там же. С.141.
13. Гершкович А. Там же. С.145.
14. Солженицын А. Образованщина. // Русская интеллигенция. История и судьба. М., 1999. С.149.
15. Коваленко Ю. Олег Янковский: «Играть можно только дома» // Известия, 1996, 19 марта. С.4.
16. См. Соколов Н. Говорит и показывает Марк Захаров // Известия, 1992, 9 мая. С.3.
17. См.:Марк Захаров благодарит Сажи Умалатову. // Московский Комсомолец, 1991. 29 марта. С.2.
18. См.: Райкина М. У нас Марк Захаров // Московский комсомолец, 1994, 24 марта. С.3.
19. Захаров М. Нам не нужны судьбоносные выборы // Известия, 1996, 13 сентября. С.3.
20. Захаров М. Из дальних странствий возвратясь... // Лит. газета, 1992, 11 марта. С.3.
21. Захаров М. Господи, даждь ми мысль благу // Известия 1994, 5 ноября. С.4.
22. Фейнберг Е. Веруете? Воля ваша. Только не надо претензий на монополию // Лит. газета, 1995, 16 января. С.4.
23. Захаров М. Война – хижинам, мир – храмам. //Известия, 1994, 5 ноября. С.4.
24. Захаров М. Там же.
25. Захаров М. Обретение компромисса // Театр, 1990, №4. С.3.
26. Московский Комсомолец, 1990, 24 сентября. С.4.
27. Борис Ельцин принял Марка Захарова. // Культура, 1992, 18 апреля. С.4.
28. Захаров М. Визит к президенту. // Известия, 1992, 22 апреля. С.3.
29. Материалы Международной конференции Союза театральных деятелей РФ «Театр и тоталитарное государство» М., 1991. С.97.
30. Безумный вечер... Лит. газета, 1993, 3 марта.С.5.
31. Новости ТВ // Экран и сцена, 1993, 8 апреля. С.5.
32. Захаров М. Могут ли рабы выбирать? // Известия, 1995, 5 ноября. С.4.
33. Захаров М. Война – хижинам, мир – храмам. // Известия, 1994, 8 октября.С.4.
34. См. Филатова Ж., Шатрова О. Безумный день... или Людям это нравится. // Невское время, 1993, 30 октября. С.4.
35. Захаров М. Нам не нужны судьбоносные выборы // Известия , 1996, 13 января.с.7.
36. Захаров М. Нетерпение. // Известия, 1997, 2 октября. С.4.
37. Тароцина С. Театр – это когда неприлично. // Лит. газета, 1997, 1 октября. С.5.
38. Тароцина С. Подхалимляне // Общая газета, 2000, 20-26 января. С.4.
39. Захаров М. «Не надо сторониться власти...» // Московский комсомолец, 2000, 15 апреля. С.3.
40. «Простите, но вы – гений» // Известия, 2008, 14 октября. С.2.

**

(ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ)